

№6

Июнь 2010

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

«МИР ПОЭЗИИ –
МИР БЕЗ ВОЙНЫ»

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДАО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Vanco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Иракий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Допечатная подготовка
Давид Элбакидзе-Мачавариани, Алена
Деняга, Нино Цитланидзе

№6 (57)
Июнь 2010

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАЗДНИК	26 МАЯ - ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ	4
	ПРИВЕТСТВИЕ КАТОЛИКОСА-ПАТРИАРХА ГРУЗИИ ИЛИИ II	6
ФЕСТИВАЛЬ	ПРОГРАММА ФЕСТИВАЛЯ	7
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	МЫ СЛАВИМ МИР, И ЗЕМЛЮ, И ВЕСНУ	8
	ЭТОТ СУХОПУТНЫЙ КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»	13
СЕМЕЙНЫЙ АЛЬБОМ	ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ЛЕЙТЕНАНТА	18
ЮБИЛЕЙ	ФРИДОН ХАЛВАШИ	21
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	МЫ ВСЕ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ	22
ПРЕМЬЕРА	«СВЕТ! БОЛЬШЕ СВЕТА!»	26
ПЕРЕВОДИМ	«ВДОВЬИ СЛЕЗЫ»	29
ТРАДИЦИЯ	ФИЛОСОФИЯ ТОСТА	35
О, СПОРТ!	ГОРЫ СКЛОНЯЛИ ГОЛОВЫ	36
СООТЕЧЕСТВЕННИКИ	ПРАЗДНИК ДУШИ	40
ПРИЗНАНИЕ	ТАЛАНТ И ПРИЗВАНИЕ	42
ВЕРНИСАЖ	Я НЕ БЫЛ ПОСЛУШНЫМ УЧЕНИКОМ	47
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	СУДЬБА ХУДОЖНИКА	51
ПРОЩАНИЕ	ПОЧЕМУ, ЗА ЧТО?	54

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гита Лордкипанидзе, Роин Мегрели, Нани Брегалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбаг Торалдзе,
Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцхи, Ирма Сохадзе, Гоги Кагаралдзе, Гуджа Бубутеишвили (*Грузия*),
Александр Эбаноидзе (*Россия*), Олег Воловик (*Венгрия*), Давид Маркш (*Израиль*), Валентина Поликанова
(*Белоруссия*), Алексей Цветков (*США*), граф Петр Шереметев (*Франция*), Евгений Табачников (*Россия*),
князь Никита Лобанов-Ростовский (*Великобритания*), Михаил Багдасаров (*Армения*), Михаил Носов (*Россия*)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

26 мая Грузия торжественно отметила национальный праздник - День независимости

ფოტო ალექსანდრა იმედაშვილი
დავიდა ელბაკიძე-მაცავერმანი
ალექსანდრა სვატიკოვა

საეკლესიო საკათოლიკოსო-პატრიარქი

0105, თბილისი, მგვი ვრცელა ქუჩის მუდგანი №1
ტელ.: (995 32) 990378, 999540; ფაქსი: 987114

CATHOLICOS-PATRIARCH
OF ALL GEORGIA

1, King Erekle II sq. Tbilisi, 0105
Tel.: (995 32) 990378, 999540; Fax: 987114

N 75

25.05.10

**Участникам IV Международного русско-грузинского
поэтического фестиваля
"Мир поэзии - мир без войны"**

От лица Грузинской Православной Церкви и от меня лично сердечно приветствуем всех Вас - организаторов, участников и гостей ставшего традиционным фестиваля поэзии.

Этот фестиваль укрепляет и преумножает те духовные узы, которые издревле связывали наши православные народы.

Знаменательно, что нынешние встречи состоятся в год, когда повсеместно отмечается 65-я годовщина Великой Победы над фашизмом и что эти встречи пройдут под девизом "Мир поэзии - мир без войны", что отражает мечты и чаяния всего человечества.

Возносим молитвы Господу, дабы на наши страны и народы снизошла Благодать Святого Духа и сбылось пророчество св. царя Давида: "Господь даст силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром" (пс. 28, 11).

Помощь Божия да сопутствует Вам во всех Ваших Богоугодных начинаниях!

**Католикос-Патриарх
всех Грузии**

ПРОГРАММА
IV МЕЖДУНАРОДНОГО
РУССКО-ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ
«МИР ПОЭЗИИ – МИР БЕЗ ВОЙНЫ»

20 июня, воскресенье

Встреча участников фестиваля.

21 июня, понедельник

10.00 Автобусная экскурсия по Тбилиси, посещение компании «Киндзмараулис марани». Дегустация грузинских вин.

17.00 Пресс-конференция участников фестиваля в Тбилиском международном пресс-центре РИА-Новости.

18.00 Малый зал театра им.А.С.Грибоедова. Торжественное открытие фестиваля.

20.00 Ресторан «Картули сахли». Прием от имени МКПС «Русский клуб».

22 июня, вторник

12.00 Конференц-зал театра им.А.С.Грибоедова. Мастер-класс для ЛитО «МолотоК.» (Ассоциация литераторов АБГ) «Современные принципы поэтики» (ведущие А.Василевский, Е.Исаева, О.Николаева, С.Чупринин). г.Рустави. Центр искусств. Поэтические чтения.

Тбилисский государственный университет им.Ив.Джавахишвили. Встреча со студентами.

18.00 Малый зал театра им.А.С.Грибоедова.

«Помянем поименно»:

- презентация поэтического сборника «Обелиск» (грузинская военная лирика в переводах русских поэтов);

- презентация музыкального диска «День Победы» (песни военных лет и о войне в исполнении грузинских артистов и певцов);

- презентация книги Натальи Соколовской «Неизвестная Берггольц» (к 100-летию со дня рождения Ольги Берггольц);

- поэтические чтения в память поэтов, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

21.00 Прием от имени АО «Давид Сараджишвили и Энисели».

23 июня, среда

10.00 Экскурсия в этнографический музей Грузии под открытым небом. Выступление детского фольклорного ансамбля.

17.00 Аудиенция у Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II.

19.00 Малый зал театра им.А.С.Грибоедова. «Счастье - оно игриво...» - моноспектакль в исполнении народного артиста Грузии Бориса Казинца (США) (по поэме Иосифа Уткина «Повесть о рыжем Мотэле»). К 80-летию артиста.

21.00 Музыкальный вечер в «City-club».

24 июня, четверг

10.00 Отъезд в Западную Грузию. Посещение древней столицы Грузии - Мцхета, монастыря Джвари.

15.00 Встреча с Отиа Иоселиани, посвященная 80-летию выдающегося грузинского писателя (ведущий А.Эбаноидзе). Экскурсия по Кутаиси.

г.Кобулет. Размещение в гостинице.

22.00 Зал «Petra». Показ документального фильма о

Сергее Параджанове и художественного фильма «Цвет граната» (к 20-летию со дня смерти кинорежиссера).

25 июня, пятница

11.00 Экскурсия по Батуми. Возложение цветов к Вечному огню и обелиску Славы воинам, погибшим в ВОВ. Прогулка по Ботаническому саду на Зеленом Мысе.

19.00 Конференц-зал. Презентация российской национальной премии «Поэт». Презентация справочника «Русская литература сегодня: Зарубежье» (ведущий – главный редактор журнала «Знамя», координатор жюри премии «Поэт» писатель С.Чупринин)

22.00 Roof Garden Terrace. Поэтические чтения «Стихи у моря».

Музыкально-поэтический вечер с Вероникой Долиной.

26 июня, суббота

11.00 Конференц-зал. Презентация авторского проекта Юрия Вачнадзе «Грузия и Россия. Радиопортреты».

20.00 Зал «Petra». «Десять секунд пронеслось после встречи...» - вечер памяти артиста и поэта Нико Гомелаури.

23.00 Roof Garden Terrace. Поэтические чтения «Стихи у моря».

Концертная программа Верико Турашвили и Тамты Челидзе.

27 июня, воскресенье

11.00 Конференц-зал. Презентация книги Юрия Юрченко «Фауст»: Пастернак против Сталина. Зашифрованная поэма». Семинар-дискуссия: «Пастернак – переводчик Гете и Бараташвили».

19.00 Потийский государственный театр им.В.Гуния. «Мир поэзии – мир без войны». Встреча участников фестиваля с общественностью.

22.00 Roof Garden Terrace. Поэтические чтения «Стихи у моря».

Музыкальный вечер с Людмилой Орагвелидзе и Сергеем Светловым.

28 июня, понедельник

12.00 Конференц-зал. Круглый стол «Поэзия – мейнстрим или неформат?» (ведущий А.Кабанов)

21.00 Roof Garden Terrace. Поэтические чтения «Стихи у моря». Подведение итогов фестиваля. Концертная программа.

29 июня, вторник

Отъезд.

Грузинская делегация в Москве

МЫ СЛАВИМ МИР, И ЗЕМЛЮ, И ВЕСНУ

С этих слов великого грузинского поэта Галактиона Табидзе мы хотели бы начать наш рассказ, с чем пришли к празднованию 65-й годовщины Великой Победы над германским фашизмом. Войне посвящены повести и романы, поэмы и многотомные исторические труды, пьесы и кинофильмы. Проходят годы, и множится их число – выходящих из-под пера писателя и кисти художника. И каждое новое произведение озаряет новым светом беспримерный подвиг великого, благородного и самоотверженного народа, сотворившего, казалось бы, невозможное, раскрывает силу и красоту души наших современников. Пусть не все они награждены высокими правительственными наградами, но одно звание «участник Великой Отечественной войны» равнозначно слову «герой» и приравнено к ордену и боевой медали. Вот почему сегодня мы славим праздничным словом наших ветеранов, низко склоняем головы перед памятью тех, кто навеки остался молодым, чей подвиг бессмертен.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб», естественно, не мог остаться в стороне от этого всенародного торжества. 9 Мая для нас не просто знаменательная дата, но по-настоящему особый день, большой праздник, к которому положено приходить с конкретными делами в память погибших героев и во здравие живых.

В нашем общественно-художественном журнале «Русский клуб» новая рубрика – «День Победы»,

под которой с начала года ежемесячно публикуются очерки и статьи о судьбах ветеранов Великой Отечественной войны, высоко оцененные нашими читателями. С каждым годом мы с болью замечаем, как редуют ряды наших ветеранов – героических защитников отчизны. Наш священный долг – помнить их поименно, заботиться о них, проявлять максимум внимания, чтобы никто не был забыт, не были забыты их дела. Вот почему на всех мероприятиях нашего Союза желанные гости в зале – убежденные сединами люди с орденскими планками на груди. Не стал исключением и нынешний, юбилейный год.

6 мая Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» в конференц-зале Тбилисского академического русского драматического театра им.А.С.Грибоедова провел для ветеранов торжественный прием-концерт в честь 65-летия Победы.

Гостей тепло приветствовал директор театра, президент «Русского клуба» Николай Свентицкий, подчеркнувший особое значение подвига участников Великой Отечественной войны для спасения мира от коричневой чумы.

Для ветеранов было приготовлено не только вкусное угощение, но и интересная музыкальная программа с участием грибоедовцев и приглашенных артистов. Настоящим сюрпризом для всех стало выступление гостьи из Москвы Нуцы Шаншишвили. Она выступила с песней из репертуара Эдит Пиаф. Нуца – популярная певица и актриса, известная как в России, так и в Америке. Как певица она уникальна уже тем, что поет практически во всех жанрах от романсов и баллад до эстрады и джаза и на четырех

певица раздавала фальшивые документы. Пленным оставалось только поставить свои подписи и бежать при первом удобном случае. Кого-то Пиаф увезла из лагеря под видом музыкантов из оркестра, с их фальшивыми удостоверениями... Их было сто двадцать, и все они благодаря Эдит Пиаф получили долгожданную свободу.

Порадовала собравшихся Ирма Сохадзе. «До свидания, мальчики!», «Синий платочек» и другие песни в ее исполнении никого не оставили равнодушным. Певица была, как всегда, естественна и артистична. Приняла участие в концерте и другая вокалистка – Эка Мамаладзе. Отличились и грибоедовцы Людмила Артемова-Мгебришвили и Нана Дарчиашвили, Михаил Арджеванидзе, Вахтанг Николава и Анна Арутюнян, Олег Мchedlishvili, Алла Мамонтова, Зураб Чипашвили... Они исполнили

Праздничный прием в «Русском клубе»

На встрече с грузинской диаспорой в Москве

языках: русском, французском, английском и грузинском.

Песня Эдит Пиаф прозвучала на вечере не случайно. Выступая в лагере для французских военнопленных, под видом раздачи автографов, великая

песни, ставшие классикой - «В лесу прифронтовом», «На безымянной высоте», «Три танкиста». «Землянка», «Темная ночь»... Вели программу Людмила Артемова-Мгебришвили и Слава Натенадзе. Выступил и Николай Свентицкий, в его исполнении прозвучала песня «От героев былых времен».

Все это уникальное музыкальное наследие – словно живой журнал, запечатлевший события военных лет, мысли, чувства, страдания, надежды людей, переживших военное лихолетье.

Среди почетных гостей праздничного вечера – представители дипкорпуса, главы посольств, видные

деятели грузинской культуры. Дорогим гостям были вручены сувениры – образцы печатной продукции, подготовленной и изданной «Русским клубом».

Это поэтический сборник «Обелиск» – грузинская военная лирика в переводах лучших русских поэтов Анны Ахматовой, Бориса Пастернака, Михаила Светлова, Арсения Тарковского, Николая Заболоцкого, Николая Тихонова, Давида Самойлова, Павла Антокольского, Евгения Евтушенко, Олега Чухонцева, Беллы Ахмадулиной... Авторы-составители сборника – заслуженный журналист Грузии Арсен Еремян и поэт, литературовед, лауреат Государственной премии Грузии Эмзар Квитаишвили. Грузинская военная поэзия представлена в книге 45 поэтами, разными по творческому почерку и судьбам. Есть среди них поэты-академики, как Ираклий Абашидзе и Георгий Леонидзе, и скромные авторы армейских газет, как Иосиф Нонешвили, и вернувшиеся с войны в университетские аудитории, как Булат Окуджава, и поэты,

Нуца

навсегда оставшиеся на полях сражений – как 24-летние Мирза Геловани и Владимир Убилава. Есть в сборнике и рассказ классика грузинской литературы Константина Лордкипанидзе «Цабуня» – трогательная история девочки, ищущей среди раненых санитарного вагона отца, следы которого затерялись в Керчи.

Это музыкальный диск «День Победы» – песни военных лет в исполнении звезд грузинской эстрады и театра Ирмы Сохадзе, Ачико Мепаридзе, Нико Гомелаури, Тамрико Чохонелидзе, Темо Татарашвили и других.

Это – специальный майский номер журнала «Русский клуб» – статьи, воспоминания, зарисовки, подборка стихов, фрагменты пьесы Инги Гаручава и Петра Хотяновского «День Победы среди войны, или Блокадный оркестр», отрывок из рассказа Георгия Цицишвили «Дольше всего живет надежда».

Издан настольный перекидной календарь «65 лет Великой Победы», в котором воспроизведены плакаты времен Великой Отечественной войны, многочисленные памятники-мемориалы, установленные в Грузии, а также отражены судьбы людей фронта и тыла, приближавших победу.

Выпущен карманный календарик «65 лет Великой Победы (1945-2010)» с изображением памятника «Отец солдата», установленного в селе Гурджаани (Кахетия). Скульптор – Мераб Бердзенишвили.

В Тбилиси был проведен очередной, шестой чемпионат по мини-футболу среди учащихся русских школ и грузинских с русским сектором. Традиционные эти соревнования ежегодно организует Союз русской молодежи Грузии при поддержке МКПС «Русский клуб».

3 и 4 мая на Малой сцене театра им. Грибоедова «Русским клубом» и театром-студией юного актера «Золотое крыльцо» (организованного по инициативе и при поддержке «Русского клуба») были представлены спектакль по пьесе Ники Квижинадзе «Ландыш и Ромашка. Письма на фронт» (художественный руководитель и режиссер – заслуженная артистка Грузии Ирина Квижинадзе) и литературно-музыкальная композиция «Никто не забыт, ничто не забыто» в ав-

Ирма Сохадзе

торском исполнении участников тбилисского молодежного литературного объединения «Молот. О.К.» для ветеранов ВОВ и учащейся молодежи.

6 мая днем состоялся видеомост «К 65-летию Великой Победы: Мы – дети одной истории». Посредством информационных площадок РИА Новости в Москве и Тбилиси. В ходе видеомоста его участники рассказали, как отмечается приближающийся праздник 65-летия Победы.

Как отметил во вступительном слове организатор видеомоста в Москве, член Общественной палаты Российской Федерации, президент «Ассамблеи народов Грузии» Гоча Дзасохов, победа в Великой Отечественной войне – это победа добра над злом, но с течением времени мы видим не те реалии, которые хотели бы видеть.

«В параде 9 мая на Красной площади будут участвовать ветераны и гости от Соединенных Штатов Америки до Узбекистана, и очень хотелось бы видеть там и ветеранов из Грузии», – сказал он.

В ответ на это участник видеомоста из Тбилиси, президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николай Свентицкий заявил, что при совместной поддержке МКПС

Не стареют душой ветераны

«Русский клуб» и «Союза грузин в России» несколько ветеранов из Грузии примут участие в Параде Победы 9 мая.

«Сегодня мы проводим грандиозный торжественный прием для ветеранов Великой Отечественной, который почтят своим присутствием представители 15 аккредитованных в Грузии дипломатических миссий. И еще очень много мероприятий и акций проводит «Русский клуб», чтобы выразить свое уважение всем, кто сражался за мир в годы войны. Поэтому, несмотря на политику, Грузия отметит День Победы», – сказал Свентицкий.

После его слова народный артист СССР, режиссер Гига Лордкипанидзе, участник видеомоста в Тбилиси, рассказал, что по инициативе «Русского клуба» и при поддержке Благотворительного фонда «Карту» и при содействии администрации Цаленджихского района была отдана дань памяти Героя Советского Союза Мелитона Кантария – младшего сержанта Красной Армии, первым водрузившего Знамя Победы над рейхстагом. Кантария похоронен в селе Джвари Цаленджихского района Грузии. Могила героя, находящийся рядом памятник Неизвестному солдату и окружающая территория находились в удручающем состоянии. К празднику Победы место захоронения М.Кантария было полностью обновлено – ступеньки и бордюр заново выложены гранитом из цельных плит, установлена новая могильная плита, сама могила выложена свежим дерном и украшена крестом святой Нино. Памятник Неизвестному солдату очищен и выкрашен бронзовой краской; постамент памятника заменен на новый, из гранита.

«Я бы хотел сказать, что эта великая победа была добыта совместными усилиями, и каждый заплатил за нее слишком высокую цену. Поэтому наш долг сегодня бороться с фашизмом в своих странах и не допускать его повторения», – сказал Г. Лордкипанидзе.

18 мая по инициативе и поддержке «Русского клуба» состоялась премьера спектакля «Гетто» по знаменитой пьесе израильского драматурга Джошуа Собола в постановке Тбилисского театра им.А.С.Грибоедова. Пьеса основана на реальных со-

бытиях, происходивших в еврейском гетто Вильнюса во время нацистской оккупации 1942-1943 гг. Это история об обреченных людях – актерах, музыкантах, художниках, создавших театр во время Холокоста. Премьерные спектакли прошли в Тбилиси, Батуми и Кутаиси.

29-30 апреля в городе Туапсе прошла международная региональная конференция «Великая победа, добытая единством». Ведущий – руководитель НП «Центр гуманитарного сотрудничества» Николай Силаев, который много сделал для организации и проведения конференции по ее насыщенной программе, с участием северокавказских регионов РФ и республик Южного Кавказа. Делегация Грузии была представлена на этом форуме следующим составом: Александр Чачия (руководитель) – вице-президент Академии национальных и социальных отношений, ветераны ВОВ Давид Якобашвили и Шота Буадзе, председатель НПО «Историческое наследие» Таризел Гагнидзе, президент МКПС «Русский клуб», директор Тбилисского театра им.А.С.Грибоедова Николай Свентицкий, заместитель руководителя Центра глобализации Виктор Цаава, профессор Шота Квиртия, директор Института Евразии Гулбат Рциладзе, публицист Арно Хидирбегишвили.

Мысли и чувства участников конференции предельно точно выражены в итоговом заявлении: «История Великой Отечественной написана кровью наших родных и близких без всякого различия национальностей. Потому ни один ее урок не может быть предан забвению. Великая Отечественная война и Великая Победа – тот священный огонь, который объединяет всех нас и который никогда не должен угаснуть».

Празднику Победы будет посвящен полный фестивальный день 22 июня нашего IV Международного русско-грузинского поэтического фестиваля, который в этом году проходит под девизом «Мир поэзии – мир без войны». В этот день пройдут презентации музыкального диска «День Победы», поэтического сборника «Обелиск» и книги Натальи Соколовской «Неизвестная Берггольц». На вечере «Помянем поименно» состоятся поэтические чтения в память по-

этов, погибших на фронтах Великой Отечественной. В рамках фестиваля пройдет конкурс «Память» – на лучшее стихотворение, посвященное теме войны и победы.

В праздничные майские дни в Москве гостила группа деятелей грузинской культуры. Вот что сказала наша замечательная актриса Гуранда Габуня на вопрос корреспондента «Русского клуба»: «Что для вас значит День Победы?»: – День Победы для меня – это жизнь, это земля, трава, солнце, небо, подруги, друзья, семья... Я была очень мала, жила с родителями в Сухуми в здании театра – там одна часть была выделена под общежитие, и хорошо помню, как взрывной волной убило дочь нашей уборщицы. Там тогда могло убить и меня. Прошло много лет и уже с театром, где я сейчас работаю, мы были на гастролях в Польше. Нас повезли на экскурсию в концлагерь. Увиденное повергло меня в шок. Я потеряла сознание, упала. Моя душа умирала.

Мне чужда, я не понимаю и не принимаю психологию людей, развязывающих войну. Почему кто-то должен быть лишен возможности спокойно жить на своей земле? В День Победы я вспоминаю другую войну, из-за которой для меня оказались потерянными мой любимый город, любимая школа, любимый театр. Сухуми – город, где я сделала свой первый шаг по земле, где все так любили друг друга. Сми-

Обновленная могила Мелитона Кантария

ряться с тем, что не могу поехать в Сухуми и выйти к родному для меня берегу моря. Для меня война – боль и незаживающая рана.

Незабываемы встречи в Москве – таково было мнение ветеранов ВОВ, побывавших 6-11 мая в столице РФ по инициативе «Русского клуба» на праздновании 65-й годовщины Победы. В ее составе были Шота Буадзе, Лили Романова, Давид Якобашвили, Сергей Мирзоян (все – Тбилиси), Рэм Дарсадзе (Кутаиси). Руководитель делегации Лика Омиадзе.

Слово ветеранам.

Ш.Буадзе: С первой минуты, как ступили на московскую землю в столичном аэропорту и позже на улицах, в театре, школах мы, посланцы Грузии, ощущали удивительно теплое, доброжелательное отношение к себе русских людей. Незнакомые люди на

улицах с улыбками нас приветствовали, просили сфотографироваться вместе, высказывали слова благодарности: «Вы защитили родину и наше будущее!»

Неизгладимые впечатления от военного парада Победы на Красной площади, приема в Кремлевском Дворце съездов, где мы смотрели кадры кинохроники военных батальонов, непосредственными участниками которых были многие присутствующие в зале. Гостеприимные хозяева – представители «Союза грузин в России» сделали все, чтобы наше пребывание в Москве было интересным, запоминающимся. Это встречи с учащимися и педагогическими коллективами грузинских школ. В грузинской школе №223 для нас устроили концерт ансамбля «Арагви», чей репертуар был полностью грузинским, и мы еще раз убедились в том, что в этих школах Москвы царит подлинно грузинский дух, наши юные друзья на высоком профессиональном уровне исполнили номера программы, с любовью к родной культуре. На концерте был наш замечательный кинорежиссер Резо Чхеидзе, и его тоже глубоко тронуло музыкальное творчество молодых соотечественников.

С.Мирзоян: Для меня майские дни особенно волнующие. В 16 лет, учеником восьмого класса я сбежал на войну. Меня определили на курсы правительственной связи, по окончании написал рапорт – попросился на 3-й Белорусский фронт. В 44-м в Восточной Пруссии был ранен в голову. Войну закончил лейтенантом, сейчас я генерал-майор в отставке. Участником праздника Победы в Москве был неоднократно, но эта поездка просто сказочная. По окончании военного парада на Красной площади мы попали в «окружение» стоящих на соседних улицах детей, которые оказывали нам трогательные знаки внимания, расспрашивали о пережитом. Ни с чем не сравнить чувства наши в эти праздничные дни, насыщенные яркими событиями и встречами.

Глубоко взволновало посещение 8 мая Аллеи героев на Поклонной горе, знакомство с ее бесценными экспозициями, закладка камня в основание будущего памятника грузинским воинам, на церемонии выступили Председатель правительства РФ Владимир Путин, мэр Москвы Юрий Лужков, президент «Союза грузин в России» Михаил Хубутя, особо подчеркнувшие, что в борьбе с фашизмом мы были вместе, что воздвигаемый памятник послужит развитию и укреплению дружбы грузинского и русского народов.

Д. Якобашвили: Поездка в Москву на празднование 65-й годовщины Победы для меня событие первостепенной важности. Я был среди защитников Москвы в сорок первом, наше подразделение вошло в состав 21 гвардейской дивизии, ведущей бои на Наро-Фоминском и Волоколамском направлениях. Наше правое дело – борьба со злой, жестокой, бесчеловечной силой завершилось великой победой ценой огромных потерь и усилий. Под Москвой и Сталинградом, в битве за Кавказ я убедился, что победу обеспечило единство всех народов нашей огромной родины, общность цели. Незабываемые встречи на московской земле подтвердили это. От имени товарищей и себя лично выражаю благодарность руководству МКПС «Русский клуб» и «Союза грузин в России» за этот подарок – возможность стать участником всенародного праздника Победы.

Соб.инф.

А.Каландадзе (слева) в Брестской крепости. 1971

ЭТОТ СУХОПУТНЫЙ КРЕЙСЕР «ВАРЯГ»

21 июня Александра Каландадзе вызвали в штаб полка. В тот же субботний день он вернулся в цитадель, но все дела пришлось отложить. Наступал вечер отдыха, когда под звездным небом натягивали холст и под стрекот киноаппарата на экране оживали герои любимых фильмов. Расходились не спеша, обсуждая игру актеров, строя планы на воскресный день.

Он долго не мог уснуть в ту ночь, беспокойно ворочался на койке, когда страшной силы взрыв потряс здание казармы. Обрушилась кровля, и в сторону ушла стена. Бойцы поспешно вскакивали с коек, полусонные, толпились в проходах. В грохоте разрывов снарядов тонули крики команды. И тогда они поняли: надо брать оружие, чтобы сражаться и жить.

Александр бросился к выходу. По лестнице, объятай пламенем, сбегал в подвал, где возле узких бойниц стояли его товарищи. Автоматчики в грязно-зеленых мундирах успели ворваться в казармы мотомеханизированного батальона. Несколько метров отделяло их от обороняющихся. По приказу старшего лейтенанта Потапова бойцы 333 стрелкового полка укрепили выходы из подвала и приготовились к отражению атаки.

Из сплошной пелены дыма и пламени память потом

выхватывала отдельные эпизоды. Рукопашный бой в клубе, в здании бывшего костела. Уничтожен вражеский отряд у Тереспольских ворот. Восстановлена связь с 84 полком. Женщин и детей из полуразрушенного дома погранзаставы перевели в подвал.

Такими запомнились первые недели войны политруку роты 333 стрелкового полка Каландадзе, который вместе с другими соединениями принял бой с фашистами у стен крепости, вокруг которой обрастая догадками как снежный ком, росла легенда о несгибаемом гарнизоне. За сотни километров от фронта, в глубоком тылу врага, около Бреста, в стенах старой русской крепости, на самой границе, сражались и умирали советские люди, которых косили снаряды и пули, голод и жажда. Они воевали как герои и как герои погибли. Через два года, после наступления в Белоруссии, Брест был освобожден, и солдаты сорок четвертого читали на стенах и сводах подвалов уцелевшие от времени надписи – послания в вечность из 41 года, которые наполнили их сердца гневом и жаждой мести. «Мы приняли первый бой 22 июня 1941 года. Умрем, но не уйдем».

Кто были эти бойцы гарнизона, насчитывающего в общей сложности около двух полков пехоты, и как расценить их подвиг в летописи самой кровопролитной войны? Сергей Смирнов в 1954 году взялся решить эту задачу и был отмечен высшей премией страны - Ленинской, 1965 года. Он прибегает к историческому примеру. Двадцать седьмого января 1904 года, в первый день русско-японской войны, близ корейского порта Чемульпо русский крейсер «Варяг» встретился в море с большой японской

эскадрой. Экипаж «Варяга» принял бой с врагом, который в десятки раз превосходил его силой. Под страшным огнем эскадры герои сражались, презрев смерть, и предпочли затопить свой выведенный из строя корабль, но не сдать врагу. «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг» – слова из этой песни – свидетельство неуязвимой воинской доблести русского человека, символ советских воинов. «Варягом» Великой Отечественной войны стала Брестская крепость, которая первая приняла на свою каменную грудь вражеский удар страшной силы.

*Дорогому Арсену -
первому пропагандисту
Брестской крепости в Грузии
от автора
1967. март*

Приступая к своей книге, Смирнов знал, что о правде, которую долго скрывали от народа, можно было услышать от немногих уцелевших защитников, рассыпанных по всему Советскому Союзу, прошедших круги ада гитлеровских лагерей, вынесших несправедливость неправильного отношения к бывшим военнопленным, которые бежав из мест заключения, продолжали сра-

жаться вместе с партизанами, внося свой скромный вклад в великую победу, мотая сроки в лагерях на родине, которая для многих оказалась злой мачехой. Их надо было найти, бороться за честное имя безымянных рядовых бойцов. Смирнов написал свою великую книгу, посвятил ей десять лет – поездок и долгих раздумий, поиска документов и людей, многих их считали убитыми и написали об этом в журналах и газетах, объявили в радиопередачах, при встречах с ними. В этой книге, на ее последней странице, я прочитал лаконичную запись: «В Тбилиси на грузинском языке изданы воспоминания защитника крепости Александра Каландадзе». Был знаком с героем смирновской телепередачи, встречался с ним в бытность его работы ученым секретарем Литературного музея и заведующим отделом академического Института грузинской литературы имени Ш.Руставели, писал о нем, получая возможность знакомиться с многочисленной корреспонденцией, идущей к нему из самых отдаленных от Тбилиси мест.

Вот как эта.

На столе белели листки, исписанные аккуратным женским почерком. Письмо как письмо. Только это захватывало с самого начала. Отдельные строки были отмечены красным карандашом. Видно, для кого-то очень важными представлялись подробности, сообщаемые незнакомкой. Торопливо пробегаю строки. И в уютный кабинет, кажется, ворвалось эхо войны.

Письмо из Иркутска прислала Маргарита Ананишвили. История обороны легендарной Брестской крепости сохранила память о старшем лейтенанте Георгии Ананишвили. Долгое время считали, что члены семьи Гриши-грузина, так звали Георгия его боевые товарищи погибли. Неизвестны были обстоятельства их смерти. Но вот книга старшего научного сотрудника института Александра Каландадзе «Дни в Брестской крепости» попала в руки копировщице иркутского проектного института, прочитавшей рассказ участника обороны крепости на Буге. Молодая женщина написала Александру Павловичу о своей нелегкой судьбе. Это письмо было находкой для человека, посвятившего много лет поискам героев Брестской крепости.

Перед самой войной Георгий Ананишвили и капитан Яков Гелашвили привезли свои семьи в Брест. Тревога на рассвете застала обоих командиров в расположении первого батальона в семи километрах от города. Когда от фашистских снарядов начали пылать дома, Нино Ананишвили и Маро Гелашвили укрыли детей под железобетонной лестницей. На третий день гитлеровцы согнали женщин и детей в городскую тюрьму. Кормили одной соленой рыбой. Несколько дней спустя им разрешили жить в Бресте. Однако гестаповцы по-прежнему не спускали глаз с домов, занимаемых семьями советских военнослужащих. У Ананишвили были две дочери – 14-летняя Елена, которую дома звали Эличка, и Магули.

Семилетняя девочка с нетерпением ждала вестей от отца, которого не видела с начала войны. Однажды, выйдя на крыльцо, она заметила мужчину в штатском. Это был отец. Он завернул за угол дома и, увидев подбежавшую Магули, послал ее за матерью. Потом, много дней спустя, он пришел уже в дом, где с его близкими находились Маро Гелашвили и ее дети. Третья встреча отца с дочерью состоялась в деревне. Они долго сидели в стоге сена, разговаривали. Магули о многом хотела спросить отца, но понимала, что о самом главном спра-

Бойцы Сопротивления. Крайний слева - А.Каландадзе

шивать нельзя. От этого зависела жизнь не только отца, но и его друзей, работавших в подполье. Это была их последняя встреча.

Магули помнит, как мать послала ее в деревню. Вечером туда должны были подойти Маро Гелашвили с детьми. Помнит сборы перед отъездом. Говорили – надо пробиваться в лес, к отцу. Не пришла семья Гелашвили ни в этот вечер, ни на следующий. И отец не давал знать о себе. Жила Магули у знакомого крестьянина. А потом фашисты передали ей узел с окровавленной одеждой, которую она тотчас узнала.

Своих близких девочка уже не видела. Перед отступлением оккупанты сожгли деревню, и Магули, спасаясь от огня, ушла в другое село. А потом она узнала о гибели отца.

После освобождения Брестской области Маргарита попала в детдом города Кобрин. Ее записали под именем Тамара. В 1945 году к ней пришел капитан Владимир Кинкладзе, долго с ней беседовал, а потом помог переехать в Грузию. Маргарита десять лет жила в семье горийского друга отца Артема Миназарова. Она вышла замуж и переехала жить в Иркутск.

Такими запомнились годы войны и оккупации семилетней девочке. Маргарита не пишет о том, что с первых дней войны ее сестра и члены семьи Гелашвили вступили в ряды народных мстителей. И отдали свои жизни в борьбе.

Эличка Ананиашвили – первая партизанка-грузинка, в течение трех лет сражалась в лесах Белоруссии. Не знаем мы, какие нечеловеческие пытки выдержала

17-летняя комсомолка. Из письма ее младшей сестры видно, что Лену схватили в тот вечер, когда, перекинув через плечо автомат, она шла на встречу с отцом.

В шестидесятые годы стало известно, что в Брестской области помнят 30-летнего худощавого, кареглазого весельчака Георгия Ананиашвили. Бывший командир кобринского партизанского отряда Ганасюк, связной Григорий Комисарюк, Михаил Образцов, Степан Дулко рассказали о десятках боевых операций, в которых участвовал наш земляк.

Летом 1942 года гитлеровцы решили расстрелять семьи Ананиашвили и Гелашвили, замеченные в нелегальной работе. Командование партизанского отряда поручило Георгию спасти обреченных на смерть женщин и детей. С несколькими бойцами Ананиашвили приблизился к окраине села, но, видно, фашисты ожидали их прихода. В перестрелке было убито несколько партизан. Георгия тяжело ранили. Фашистские изверги расстреляли безоружных женщин и детей. Умиряющего Ананиашвили перенесли в село Братулево, в дом Ольги Земляковой. Когда враги напали на его след, он ушел в другое село. Оправившись от ран, продолжал мстить оккупантам.

Люсьена с сыном Тамазом

Летним вечером 1943 года фашисты устроили совещание в церкви деревни Жабинковская. Командование отряда поручило Георгию провести операцию. Налет был неожиданным. Многие офицеры и солдаты пали от огня лесных мстителей. Когда к врагу подоспело подкрепление, партизаны скрылись. В деревне Ластовка они наткнулись на засаду. Фашисты решили живым или мертвым захватить Ананиашвили.

Неравный бой продолжался несколько часов. В живых остались двое партизан. Истекая кровью, Георгий и его боец вышли из окружения, направились в крайнюю избе деревни. Здесь их настигла погоня. Партизаны за-

няли чердак и открыли круговой огонь. Сумерки спустились на землю. Каратели поняли, что любовными атаками не добьются цели. Разложив сено вокруг, они решили поджечь избу. В перестрелке погиб товарищ. Скоро Георгий отбросил последний пустой автоматный диск. И безоружный решил подороже отдать жизнь. Раскидав крышу чердака, партизан увидел фашиста, который поджигал сено. Спрыгнул ему на плечи, выхватил автомат и лишился сознания от потери крови.

Долго пытали Ананиашвили в застенках гестапо, но не могли добиться от него ни слова. С гордым взглядом,

женщина и пригласила его войти в дом. Старушка говорит: «Вот-вот подойдет Амбросий. Сопровождение у них в школе, не иначе, – в это время он всегда уже дома». Трудные слова, с которыми Александр пришел, вырвались помимо его воли: «С Амвросием мы не знакомы, бабушка, я товарищ Пантелеймона».

Старушка медленно подошла к нему, и он увидел скорбные складки у рта, застывшее в глазах горе. Хозяйка, вдруг обессилев, опустилась на стул.

Стараясь сохранять спокойствие, Александр объяснил: «Мы с Пантелеймоном два года служили в одной

части». Она молча смотрела на него, потом встала и позвала: «Христефоре, гость – товарищ нашего Пантелеймона». В комнату вошел седой как лунь, жилистый старик. Следом за ним – молодая женщина и дети – девочка и мальчик. Старик протянул руку, присел к столу. «Пусть будет счастливым, сынок, ваш приход в эту семью. Ваша фамилия?» Александр назвал себя. «Знаем вас, сынок! В первом письме его было про ваше знакомство: встретил, писал, земляка. И потом часто упоминал. Дня не проходило, чтобы мы не получали письма... А с тех пор, как ударил первый выстрел,

ничего нет о нем... Не ведаем, куда он пропал... Долго мы вас разыскивали. Амбросий кому-то писал в Тбилиси, просил сообщить ваш адрес... Слава богу, вот и довелось свидеться».

Александр, осторожно, взвешивая каждое слово, рассказывает, как познакомился с Пантелеймоном, как они вместе проводили день за днем на военной службе, как началась война. Старушка перебивает его, вспоминает отъезд сына в армию. «И работал он здесь, в Нигвзиани. Видели большое здание у дороги? Это школа. Там наш Пантелеймон учился, а потом оба с братом стали учителями».

Амбросий пришел часам к девяти. Похож на брата, как одна половинка яблока на другую. Такой же великан, крепыш. Александр с ним давно переписывается. Амбросий смотрит на мать, на жену, говорит: «Моросит, целый день моросит. Холодно. Затопить бы печь в той комнате, а то гость продрогнет». Мать и жена его выходят, за ними дети. Амбросий вполголоса просит: «Не говорите им, что брат погиб. Мы никогда не говорим о его смерти. Они не читают ваших писем ко мне, и я молчу. Мы вспоминаем его, как живого, и старики верят, что он вернется, привыкли ждать».

Он берет Александра под руку и ведет в другую комнату. Старик сидит у очага на скамейке и задумчи-

Тамаз с супругой Мари

Их дочь Клер

несломленный вззошел он на эшафот.

Каландадзе, помню, рассказал: «На шестой день на центральном дворе раздался лязг гусениц. Три вражеских танка, развернувшись у ворот прямой наводкой принялись расстреливать казармы. Смирнов так описывает в своей книге начало неравного боя с танками: «И тогда из подвала 333 полка выбежали два смельчака. Это были помощник начальника штаба 44 полка старший лейтенант Семенов и неизвестный старшина-артиллерист». Оба выкатили уцелевшее 45-миллиметровое орудие и развернули его в направлении танка. Несколькими выстрелами вражеская машина была подбита. Гитлеровцы поспешно оттянули танки. Семенов перенес раненного в правую руку старшину в подвал. После перевязки старшина вместе с Онисимом Асатиани установил миномет и через здание полкового штаба вел навесный огонь по врагам. Каландадзе помнил – это был Пантелеймон Абхазава. Он вышел на прорыв вражеского кольца и во время штыкового удара погиб».

По поручению Брестского музея Александр Каландадзе в 1958 году едет в Западную Грузию, в деревню Нигвзиани. Осенний пасмурный день угасал, когда он остановился у калитки дома его старого друга. Позвал: «Хозяин!» Из двери пробился луч света. Послышались легкие шаги по тропинке. К калитке подошла старая

во строгают обрубок дерева. Мысли у гостя быстрые, путаные. Пантелеймон когда-то сидел здесь, у очага, вот также думал о чем-то и строгал ножом дощечку. Двадцать лет прошло, как он ушел, а здесь его продолжали ждать. Женщины пододвигают стол к огню, накрывают скатертью, приносят бутылки с вином – изабеллой. Старик смотрит на бутылки, берет их и выходит. Возвращается с кувшином, заткнутым листьями. Старушка говорит: «Господи, как же я сама не сообразила принести чхавери».

Амбросий рассказывает, что в саду у них есть всего лишь несколько лоз чхавери. Отец ухаживает за ними. Получается два кувшина вина, не больше. Пантелеймон любил это вино, и отец бережет его до нового урожая.

Старушка приносит альбом и пачку писем, объясняет: «Это, нэна, он снимался еще в Ланчхути... А это – когда был студентом в Кутаиси... Что ни суббота или воскресенье, домой приедет, бывало. Соседей обегает, будто десять лет не видел, каждое деревце в саду погладит, мотыгу потреплет по рукояти, как старого друга...»

Александр достает фотографию из альбома и читает надпись: «Дорогим родителям. Брест-Литовск. 10 июля 1940 г.»

Старая Агата перехватывает взгляд гостя и говорит: «Всем хорош был наш сын, нэна, и поговорить умел, и учил детей славно, и в дружбе был верен. И там, на войне, не посрамил нас... Но не дождался мне его больше. Кому было суждено вернуться – вернулись, уже приехали домой. Да и мы, сынок, вырастили неплохого сына!»

Военная тема – главная в творчестве Александра Каландадзе. Выпускник филфака Тбилисского государственного университета довоенного выпуска стал писателем и ученым-литературоведом, вместив в свои книги впечатления тревожной молодости и боевых операций, которых хватило бы на десяток приключенческих книг. Как рассказать на одном дыхании в рамках книги целую жизнь, опаляющий огонь Бреста, четыре тяжелейших года – участие в польском антифашистском подполье, восстание советских военнопленных в концлагере на юге Франции, участие в интернациональной бригаде Сопротивления, счастливый День Победы, когда его, капитана Советской Армии, офицера связи советской военной миссии, подхватили и на руках пронесли по многим улицам освобожденного Парижа, удостоенного почетных наград – военного креста с серебряной звездой, медали «За храбрость»; для Александра Павловича продолжалась война в его романах «Зеленая ветка», « У маки», «Преодолевая себя», «Водоворот». Он автор пятитомного труда по истории грузинской журналистики, романов об Илье Чавчавадзе («Илья») и Александре Казбеги («Танец с кинжалами»).

Кстати, в романе «Водоворот» речь идет о Тулузе, центре Сопротивления на юго-западе Франции, в офицере Беридзе легко узнаваемы черты самого рассказчика, который до ухода в маки, нащупывал зыбкие тропы туда ведущие, верных людей, которым можно было доверить свое дело, свою жизнь. И свою любовь, добавим мы, ибо на дорогах войны он встретил скромную швею Ивету, которая спасла его от провала, разгадав в месье Бланша, приветливом и любезном хозяине ателье, агента гестапо. Глядя на бледное, исхудавшее

лицо девушки, освобожденной среди заложников, он думает о том, «сколько горя, сколько невзгод выпало на ее долю», и он обязан сделать все, что сможет, чтобы она обрела счастье. Он собирается увезти Ивету, ждущую от него ребенка, но встречает сопротивление матери, мадам Сесиль, причитающей: «Не отнимайте ее у нас, месье! Она – наше единственное утешение, а вы ведь возвращаетесь домой, к своим...».

Отходит от парижского перрона поезд, уплывает вдаль печальное лицо Иветы. «Приеду!» Вернусь! Увезу! Приеду!» – стучат колеса.

Эта история имела свое неожиданное продолжение. Дочь Александра Каландадзе, Тамара, родившаяся в 1947 году, узнает, что в Гурии в газете опубликована заметка ее брата, скульптора и гражданина Франции Тамаза Каландадзе, который всего на год ее старше. Тамаз искал в Грузии своих родственников, и в 2007 году эта встреча состоялась в Тбилиси, а потом уже Тамара приехала во Францию к брату, который не

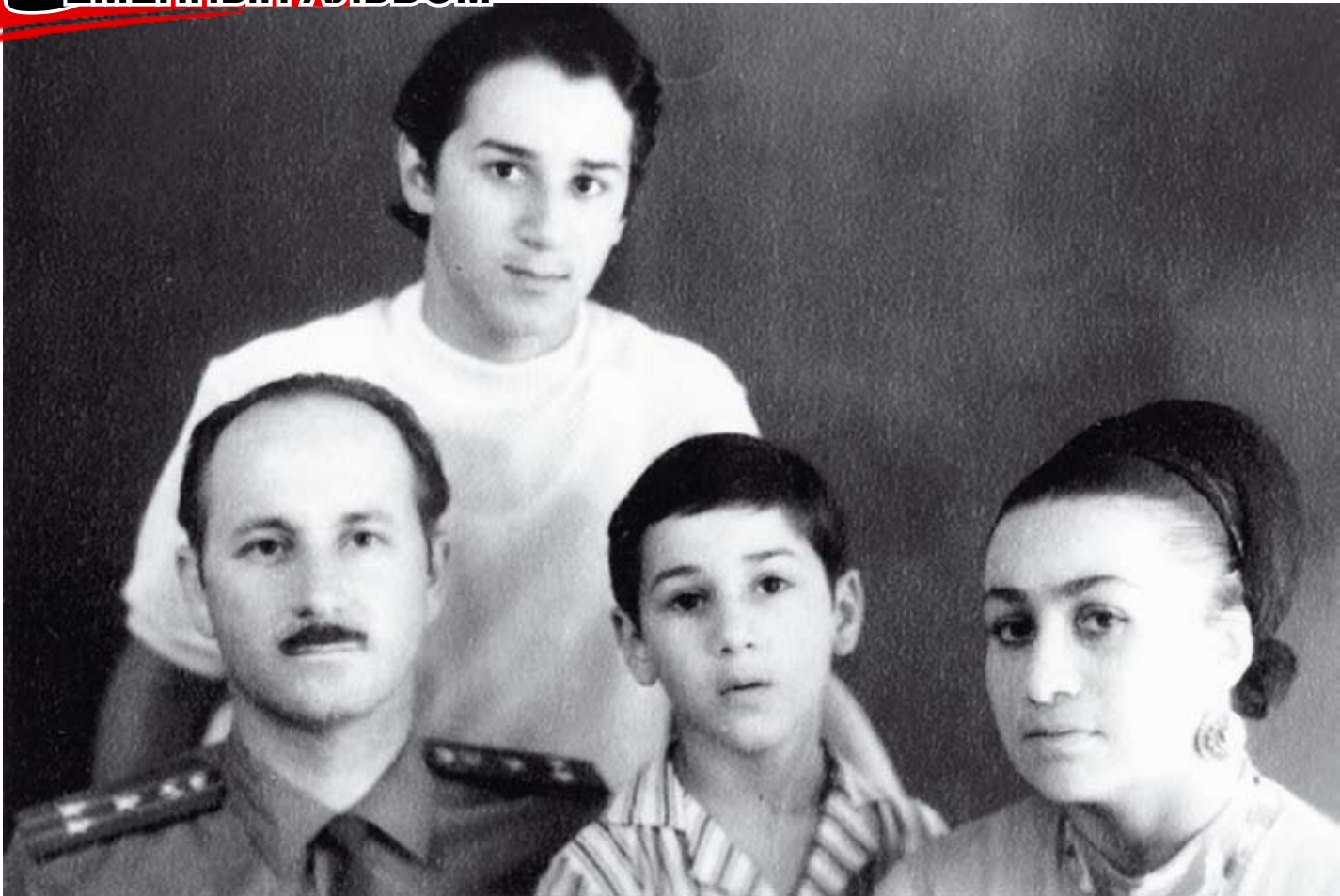

Тамаз и Тамара Каландадзе во Франции. 2007

знает ни слова по-грузински и по-русски. Тамаз познакомил ее со своей матерью Люсьеной, которая оказалась той самой Иветой, которая провожала своего суженого на послевоенном парижском вокзале, как выяснилось, навсегда; познакомил со своей женой Мари, сыном Фредериком и дочкой Клер. Так что теперь дружить не только внукам, но и правнукам Александра Павловича, который пройдя огонь и воду медные трубы, застенки концлагерей, не зачерствел душой, не ожесточился сердцем, остался человеком на самых трагических страницах своих книг.

Вспомнилась мне каска из брестского мемориала, которую держит в руке каменный солдат, ползущий к реке за спасительной влагой. Рассказывали, что в самую жару каска остается полной, не высыхает. Это брестские мальчишки носят солдату воду с реки. Припадают к ней губами, как к памяти народной, которая не знает ни забвения, ни границ.

Арсен ЕРЕМЯН

Семья Лешкашели

ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ЛЕЙТЕНАНТА

Эта история началась много, много лет назад, когда молодой лейтенант Владимир Лешкашели, блестящий выпускник Тбилисского пехотного училища, командир роты родного училища, влюбился. Его избранницей стала девушка редкой красоты и обаяния, талантливая танцовщица Ламара Челидзе. Владимир долго добивался взаимности, ухаживая упорно и преданно. И добился. Девушка вышла замуж за лейтенанта. Спустя годы она превратилась в жену генерал-майора. Но до этого по всем законам не просто жанра, а человеческой верности и порядочности ездила с мужем по воинским округам многих республик СССР и стран мира – Закавказья и Прибалтики, Москвы и Германии, Сибири и Замбии... В семье родились два талантливых сына, оба стали замечательными дипломатами. В 1991 году легендарный генерал, который ответил отказом на просьбу Звиада Гамсахурдиа возглавить Министерство обороны Грузии и не покинул пост заместителя командующего Краснознаменного Северо-Кавказского военного округа, где служил последние десять лет своей жизни, скоропостижно скончался в Сочи. И вот тут-то наша история начинается по-настоящему. Ламара Лешкашели не осталась вдовой генерала. У нее это не могло получиться. Она осталась женой генерала. Если вам повезет, и вы

попадете к ней в дом, то вам покажется, что хозяин отлучился из дома лишь пять минут назад.... Вот у кровати его спортивная форма и домашние тапочки, вот его китель, вот – боксерские перчатки, а вот – выглаженные костюмы. На стенах – портреты, фотографии, картины, и на каждой из них – члены семьи Лешкашели. И если это отчасти и похоже на музей, то только на живой, который дышит, звучит. Но откровенно говоря, хранить память о близком человеке – это личное, семейное дело, и это – атмосфера, которая может остаться всего лишь атмосферой, если ее не заполнить делами. А свою жизнь Ламара Михайловна заполняет именно добрыми делами – в память о муже, да и просто, чтобы жить по чести и совести. В небольшом лечумском селе Спатагори, где родился отец генерала, ею создан дом-музей Лешкашели. Она полностью восстановила среднюю школу в Лечхуми, которая разрушалась на глазах. И школа зажила заново. Огромную и разнообразную помощь Ламара Михайловна оказывает Грузинской Патриархии. Людей, которым она помогает, наверное, не счесть. И все это совершается без жертвенности, не из чувства гнетущей обязанности или тяжкого долга. Она живет свободно и просто. И делает то, что считает нужным. По-моему, это и значит – с честью нести звание «жена генерала», ведь думать только о себе – это занятие не для царей, а для холопов.

По счастливому случаю наша встреча с Ламарой Лешкашели состоялась. Человек она гордый, умный и непростой. А благодаря ее исключительному дружелюбию беседа получилась откровенной. И это главное.

- Наверное, нет таких стран, где к семье относились

бы без уважения, где не почитали бы родителей. Но в Грузии это является главным правилом, многовековой традицией. Как вы понимаете эти традиции и как они проявлялись в вашей семье?

- Я продолжаю те традиции, которые изначально были в моей семье, те, что передали мне мои мама и папа – это воспитание в строгости и взаимопомощь. И я с малых лет, как могла, старалась помочь семье. Ведь это были очень тяжелые времена, и нам жилось трудно. Мама была акушеркой, а отец, когда возник Советский Союз, стал начальником паспортного стола Тбилиси. Но и его забирали в годы репрессий, и маму преследовали за дворянское происхождение... Когда отца выпустили, и мама стала его расспрашивать, он, я помню, ей ответил: «Нина, не спрашивай ни о чем. Уши везде». Все было... А я всегда, сколько себя помню, тянулась к искусству. Может быть, это даже немного наследственное, ведь моя мама Нина Тактакишвили была двоюродной сестрой Отара Тактакишвили. Но даже такое родство не помогло мне осуществить свою мечту. По сей день у меня болит душа, что я не стала тем, кем мечтала, – балериной. И не сбылось это потому, что папа был очень строг.

- Вам не разрешили заниматься балетом?

- Нет. Категорически. Вообще для меня многое было под запретом. Мои единственные два платья были заперты под замок – я лишняя раз не могла никуда пойти... Прошло время, я окрепла, стала немного самостоятельнее и все-таки начала танцевать – правда, не балет, а грузинские танцы, но все же... Я танцевала у Миши Бахтадзе, Ираклия Хмаладзе... Однажды, набравшись сме-

Командир полка Владимир Лешкашели на учениях

лости, сама по себе отправилась проситься в ансамбль Сухишвили-Рамишвили, и меня согласились взять, хотя я им совершенно не подходила по росту – я невысокая.

- А как в вашей жизни появился будущий муж?

- Вначале случилось удивительное совпадение. Отец Владимира родился в Лечхуми, уехал учиться в Россию, выучился на повара, работал шеф-поваром в Туапсе, и проявил такой талант, что его взяли работать на дачу к Сталину. А женился он в Сочи, где и родился Владимир. Они жили там, и у них иногда – вот оно, совпадение – снимал угол мой тбилисский сосед по двору, когда приезжал в Сочи. А сосед работал на поезде Тбилиси-Сочи, носил по вагонам корзинки с бутербродами на продажу,

помните, было такое?

- Честно говоря, не помню...

- А, ну да... Вот его и попросили, мол, присмотри в Тбилиси для нашего Вовы хорошую грузинку... Сосед назвал меня. А мы с Владимиром, который к тому времени приехал учиться в Тбилиси, познакомились сами. Я танцевала тогда на сцене Дома офицеров, Владимир просто увидел меня, ничего не зная обо мне, и все, больше не отстал. Только потом выяснилось, что я та самая «хорошая грузинка», которую расхваливал его родителям мой сосед... Владимир добивался меня полтора года.

- А почему так долго?

- Мне было семнадцать, я была очень наивна. Вы же знаете, как нас тогда воспитывали. Мой отец всегда повторял, что застрелит всякого, кто подойдет ко мне. Но когда к нему пришел знакомиться Владимир – в форме, достойно, отец его обнял и расцеловал. Вообще, моего мужа было за что любить – он был очень порядочным и добрым человеком. А я никак не решалась выйти за него замуж... Меня уговаривали все – близкие, друзья, соседи. И все мне объясняли, какой это замечательный парень. Мы расписались. Но, честно говоря, по-настоящему я его полюбила позже...

- И как складывалась судьба лейтенанта и его жены?

- Вообще, он уже в 16 лет ушел из дома в большую жизнь. Он хотел стать моряком – все-таки жил у моря. А потом передумал, дальновидно рассудив, что будет у него когда-то семья, а он станет уходить в долгие плавания... То есть уже тогда во благо будущей семьи он не стал моряком. Приехал учиться в Тбилисское пехотное училище. И учился отлично. При этом был замечательным спортсменом – перворазрядником по спортивной гимнастике и по боксу. И дальнейшая военная карьера складывалась у него очень успешно. Хотя, вы же понимаете, очень долго мы жили трудно, небогато. В Калининграде, например, где Вова командовал полком в середине 60-х после службы в Москве, и он, молодой офицер, конечно, получал маленькую зарплату, я устроилась на работу в детский садик (а я заканчивала Московский педагогический по специальности «дошкольное и начальное образование»). У меня на руках два сына – маленький Миша и Заур, который чуть постарше. Я объяснила старшему сыну, что бросить работу не могу и нанять нянечку тоже не могу, и спросила его, будет ли он мне помогать. И Заурчик сам вырастил младшего брата... А после Калининграда вновь была Москва, затем Германия, Сибирь, Замбия... Мой муж с отличием отучился в двух высших военных академиях... И где бы он ни служил, его любили все – и солдаты, и офицеры, и генералы, и большие, и маленькие. Он многого достиг в своем деле, и в генеральском мире Советского Союза его знали и знают все. А в семье он был очень строгий, очень. Он обещал, что не станет запрещать мне танцевать, но как только мы расписались, заявил: «Теперь ты моя законная жена, и будет так, как я скажу».

- Не сдержал, значит, слова?

- Не сдержал. Так что строгие традиции моих родителей продолжились. Но знаете, теперь я понимаю – то, как жили мои родители, и то, как поставил дело в семье мой муж, в итоге оказалось для меня очень, как бы сказать, выгодно. В нашей семье с Владимиром всегда были строгость, порядок и дисциплина. И мне это нравилось, потому что именно такой подход к жизни, к делу

На встрече с Ф.Кастро. В центре - З.Лешкашели. 1970-е гг.

и приносит большие успехи. И детей мы воспитывали в строгости. Хотя у меня с сыновьями никогда не было конфликтов, ни каких-то неприятных разговоров...

- Значит, дети росли не только в строгости, но и в любви...

- Конечно, это само собой. Я вам скажу очень личную вещь. Мой муж настолько любил сыновей, что когда возвращался с работы, а дети уже спали, он открывал их одеяла и целовал им ножки. И они очень любили отца. Я хочу вам сказать главное - у меня очень, очень хорошие дети, которые тоже достигли многого. Сыновья, Заур и Михаил, оба получили и музыкальное образование, и прекрасно закончили МГИМО, и стали успешными дипломатами.

- Как вы думаете, такая семья, как ваша, для Грузии это норма или исключение?

- Судите сами. Я уехала из Грузии в 1957 году и вернулась в 1993-м. Я, грузинка, впитала в себя и русское, и европейское – мы подолгу жили и в России, и в Европе. Кстати, у моего старшего сына Заура русская жена, Татьяна Киселева. Я корю себя, что поначалу была против русской невестки, а сейчас счастлива, что у моего сына именно такая жена...

- Видимо, многие грузинские жены могут поучиться у Татьяны?

- Да! Но все равно не научатся. Так вот, я очень люблю свою родину, и потому я живу здесь, а не в какой-нибудь другой стране, и у меня здесь очень хорошие друзья. Но прижиться к моим дорогим грузинам не могу. Я не признаю, когда человек хочет получить много и немедленно – дачу, машину, деньги, и думает, что это престиж. Но ведь это не престиж, а всего лишь возможности для того, чтобы создать комфортную жизнь. И еще - очень много хамства, неблагодарности и зависти. Вот и все, что я вам скажу.

- А что может стать залогом будущей правильной, что ли, жизни?

- Я не знаю. Наш народ умный, но работать над собой люди не хотят. Люди ищут легкую жизнь. А это может погубить маленькую, но такую красивую и исторически известную страну.

- Вы повидали много стран и людей. Где было комфортнее всего?

- Мне очень нравятся немцы – за дисциплину и чистоплотность. Если бы вы знали, какие у них подьезды!

Африканцы поразили своей удивительной добротой, колоритностью и радостным восприятием жизни – они даже ходят, пританцовывая, хотя бедны невероятно. Сибиряки очень трудолюбивы и действительно отличаются крутым нравом. Понимаете, я не смогу ни об одной стране отозваться без симпатии, ведь я от этих людей многое получила, многому научилась.

- Вы посвятили свою жизнь мужу и детям. Вообще, это счастье для женщины?

- Счастлива женщина или нет, выясняется только в преклонном возрасте. Нужен ты кому-нибудь или нет, помогают тебе или нет, приходят к тебе дети каждый день или в полгода раз. У меня такая счастливая старость, вы даже не представляете. Вы знаете, они мне всегда при встрече и расставании целуют руку... Хотите, я покажу вам их письма? Вот, например, такая записка, приложенная к посылке: «Великая, любимая мамочка!

Сыновья и внук генерала

С радостью и нетерпением ждем встречи с тобой! Твои любящие сыновья Миша, Заур. 16 ноября 1999 года. Баку». Это пишут сыновья, которым за сорок! Ну что мне еще от жизни может быть надо? И я даже не знаю, это я их такими воспитала или они по природе такие.

- А за что вы благодарны судьбе больше всего?

- За то, что мне достался такой муж, как мой. Поймите меня правильно, мне всегда казалось, что он, как бы это точнее выразиться, почти бог... Однажды после его смерти мне приснился сон, как будто Владимир мне говорит: «Ламара, не плачь, не плачь. Знаешь, как мне здесь хорошо? Я здесь главный, и у меня здесь только один начальник»...

- Ваш муж всю жизнь занимался военным делом. Скажите, как он относился к словам «Служить Родине»? Что для него было главным?

- Честность и порядочность в своем деле. А служение Родине и служение семье и было делом его жизни.

- А что такое патриотизм для вас?

- Для меня это – помогать людям. Вы поймите, я не пытаюсь выглядеть глубоким философом или уникально образованным человеком. Но я думаю, что у меня душа образованная. Самое главное для человека – доброта души, любовь, честность. Эти слова дадут тебе все. И это надо внушать нашим детям – требовательно и строго.

- Вы знаете, я моим детям это внушаю, но строго не могу.

- Должны смочь! Только так. И все получится.

Нина ШАДУРИ

ФРИДОН ХАЛВАШИ

РОДИЛСЯ В 1925 Г. ПОЭТ. В 1948 Г. БЫЛ ИЗДАН ПЕРВЫЙ СБОРНИК СТИХОВ «В СТРАНЕ СОЛНЦА». АВТОР ПОЭТИЧЕСКИХ СБОРНИКОВ, НА РУССКИЙ ЯЗЫК СТИХИ ПЕРЕВОДИЛИ К. СИМОНОВ, Е.ЕВТУШЕНКО И ДР. ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ ГРУЗИИ.

С 1957 ПО 1994 ГГ. РУКОВОДИЛ ПРАВЛЕНИЕМ АДЖАРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СП СССР И ГРУЗИИ. БЫЛ ДИРЕКТОРОМ ИЗДАТЕЛЬСТВА «СОВЕТСКАЯ АДЖАРА». ЧЛЕН ПАРЛАМЕНТА ГРУЗИИ В 1995-1999 ГГ. ЧЛЕН КОМИТЕТА ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ ПРЕМИЯМ И ПРЕМИИ ИМ. ШОТА РУСТАВЕЛИ. ЛАУРЕАТОМ ПРЕМИИ Ш.РУСТАВЕЛИ. КАВАЛЕР ОРДЕНА ЧЕСТИ.

БЕССМЕРТИЕ

Памяти павших

Прости меня, мама, что плакать тебя заставляю, –
Глаза потускнели, и стан твой от горя согнулся, –
Прости, что лишь в песне поэта я жить продолжаю.
Прости меня, мама, за то, что с войны не вернулся.

Ты из дому выйди под небо звенящего мая
И благослови мое солнце, что светит отчизне.
Весеннюю песню пусть Грузия наша родная
Споет за меня – я не спел ее, мама, при жизни.

Война – это смерть. Я – сраженный –
со смертью сражаюсь.
Это вечный удел мой...

И все же ты ждешь меня, верю.
Я вернусь к тебе, мама. Ты слышишь?
Я в путь собираюсь.
Я жив, пока сердце твое не забыло потерю.

Истлели на ранах обрывки рубахи домашней,
За день до разлуки пошитой руками твоими...
Я в завтрашний день ухожу, покидая вчерашний,
Жила бы отчизна – она сохранит мое имя.

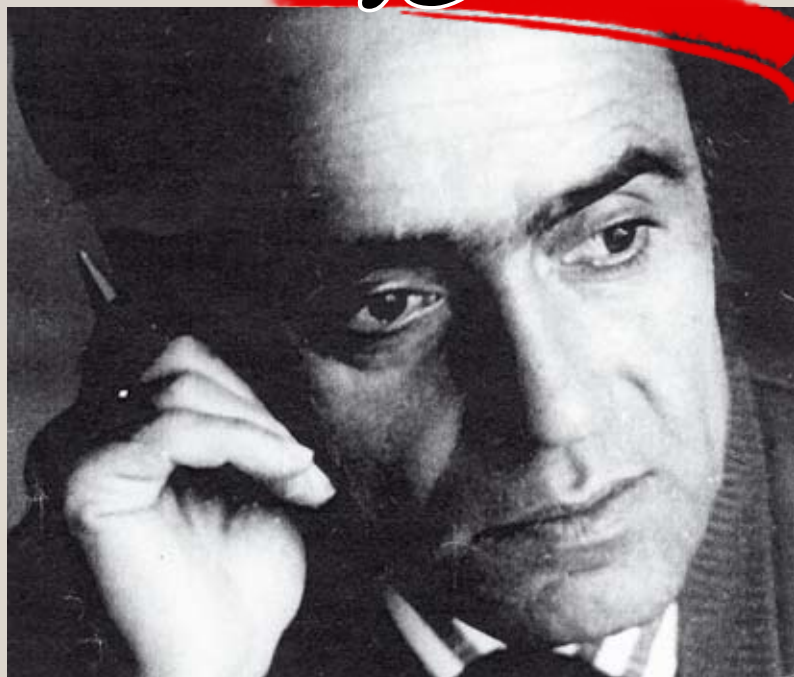
Земля Прикарпатья мне ложем той осенью стала.
Прилег на нее – и навек породнился я с нею.
Земля прикарпатской долины – мое одеяло.
Стареют друзья. Почему же лишь я не старею?

Я вам улыбаюсь улыбкою каждого мая,
Живите, живые, и вечно счастливыми будьте,
Любите и пойте и, чаши с вином поднимая,
Наполнить мою на веселом пиру не забудьте!

Лаваш, для меня испеченный, оставьте на крыше,
Пусть птицы его расклюют, чтобы люди сказали:
Взгляните на птиц – даже тем,
что он больше не дышит,
Он дарит им жизнь...
И задумались в светлой печали...

Носки шерстяные, что на зиму вяжешь мне,мама,
Ты сыну отдай моему. Он в военные годы
Не ведал нужды – так настойчиво ты и упрямо
Растила его для меня и вела сквозь невзгоды.

Ты слезы лила, припадая к его изголовью,
Когда над странкою звучали победные марши.
Все то, за что отдал я жизнь,
пусть он любит великой любовью.
Сегодня он старше меня – ты подумай! –
он старше...

Так ночью бессонной прядутся незримые нити,
Так слушают матери павших своих сыновей.
Их шепот чуть слышный вы, тучи,
в громах повторите,
Ты, ветер, их голос громовый по свету развей!

В гранит воплотилось высокого духа стремленье,
И памятник павшим вознесся –
торжественно-прямо...

Тоскуют глаза матерей.
Матерям недоступно забвенье.
И в праздник Победы –
земной наш поклон матерям.

Перевод Владимира ЛИФШИЦА

ОПОЗДАВШЕЕ СОЛНЦЕ

Остаются в темных ущельях –
Ключья ночи –
Черные тени,
А со мной остаются сомненья,
И желанья,
И ожиданья.
Я хочу,
Чтобы кто-нибудь
Показался бы у калитки...
Осыпаются эвкалипты.
Дело к осени...
Вот в чем суть.
Что случилось и почему
Запоздало солнце к восходу?

Поднимаю взор к небосводу –
Ничего не пойму.
Небо чистое,
Голубое,
Полное тишины и покоя,
Словно поле
После шумного боя.

Перевод Станислава КУНЯЕВА

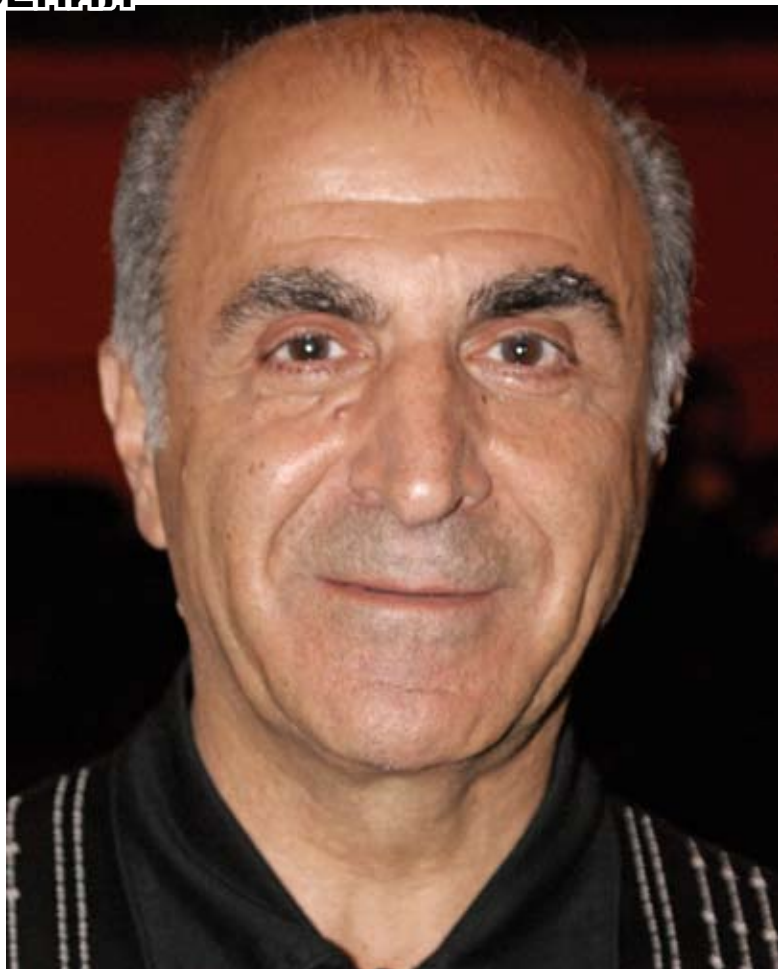
МЫ ВСЕ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

Мой собеседник, композитор Иосиф Барданашвили – личность известная, знаменитая. В свое время он был одним из ведущих композиторов Грузии. Потом эмигрировал в Израиль. Человек талантливый и целенаправленный, думающий и ищущий, он занял в Израиле место, достойное его дарования и человеческих качеств.

Родился И. Барданашвили 23 ноября 1948 г. в Батуми. В 1973 г. окончил Тбилисскую государственную консерваторию по классу композиции А. В. Шаверзашвили. В 1973-м поступил в ассистентуру-стажировку Тбилисской консерватории, одновременно преподавал в Батумском музыкальном училище им. З. Палиашвили. Его сочинения: для хора и оркестра - поэма «Судьба»; для оркестра - поэма «Море»; фортепианный квинтет; для четырех валторн, виолончели и фортепиано - Поэма-диалог; для скрипки и фортепиано - соната; фортепианные пьесы, в том числе соната; для меццо-сопрано, вокального секстета и фортепиано - цикл «Тропа молчания»; для баса и фортепиано - цикл «Кукольная баллада»; романсы, песни; музыка к драматическим спектаклям и кинофильмам.

Он с большой радостью откликнулся на предложение управляющего и художественного руководителя театра имени А. С. Грибоедова Авто Варсимашвили принять участие в работе над спектаклем «Гетто» по знаменитой пьесе Джошуа Собола.

- Театр Грибоедова для меня – дорогая память, - признается композитор. - Ведь я написал музыку к нескольким его спектаклям еще в 70-е годы – среди них «Притча о хвосте», «Смерть Тарелкина». Так случилось, что сейчас, спустя годы, Авто Варсимашвили предложил мне написать музыку для спектакля по пьесе моего близкого друга, замечательного драматурга Джошуа Собола. Пьесу «Гетто» поставили чуть ли не во всем мире - от Великобритании до Японии. Есть замечательный фильм «Гетто» производства Германии и Литвы. Пьеса написана в 60-е годы, однако до сих пор актуальна. Две недели назад в Камерном театре Тель-Авива спектакль по этой пьесе показал художественный руководитель театра, режиссер Омри Ницан. Это говорит о том, что «Гетто» до сих пор привлекает

Иосиф Барданашвили

людей искусства. Интересна сама форма пьесы – театр в театре. Да и тема не оставляет никого равнодушным: евреи, живущие в гетто, создают театр, пытаются выжить в самых страшных обстоятельствах. Идея о том, что искусство спасет мир, очень и очень актуальна. Хотя, откровенно говоря, никогда и никого искусство не спасало. Но, во всяком случае, надежда на то, что оно может спасти хотя бы на время, существует. И герои пьесы действительно продлили свое существование на земле, немного пожили в театральной реальности... пока их всех не убили фашисты. Так что я очень благодарен Авто Варсимашвили за возможность принять участие в этом проекте. И я приложу все усилия для того, чтобы получился хороший спектакль.

- Какую творческую задачу вы перед собой ставили, когда приступали к работе над спектаклем «Гетто»?

- Тут важны два момента. Есть музыка к спектаклю «Гетто» – музыка объективная: это оригинальные песни вильнюсского гетто, ведь действие пьесы происходит именно там. Все, кто ставил пьесу, использовал этот музыкальный материал. Даже в Японии, в оркестровке японских музыкантов. Но мы с Авто пошли по другому пути – я создал свой музыкальный мир. Это меня вполне устраивает, поскольку просто аранжировщиком быть не люблю – по причине индивидуального видения. При этом всегда стараюсь соотносить то, что делаю, с желанием режиссера. Конечно, еврейский дух в музыкальном решении будет, но это музыка, написанная Барданашвили... Так сказать, фрейлекс с грузинским акцентом. Неплохо сказано, по-моему. И

потом, это духовная музыка, в которой затронута тема жизни и смерти, связанная с духовным прозрением. Именно тут я ищу. Очень надеюсь, что моя музыка наполнит спектакль особенным светом, который идет, может быть, от еврейских молитв, от моего мировидения. Я также стремлюсь к тому, чтобы она была глубокая и очень светлая. Даже при такой страшной картине смерти есть жизнь, есть очарование, национальный юмор. Авто даже внес в текст пьесы дополнительные нюансы – использовал Соломоновы притчи, старался уйти от буквального следования событиям пьесы, насытить ее философским содержанием. То есть расширить рамки пьесы, рассказать что-то новое, неизвестное о еврейской жизни, о духовном мире, созданном тысячелетия назад.

- «Гетто» - это мюзикл?

- Пьеса создавалась как материал для будущего музыкального спектакля. В нем четырнадцать песен со своими текстами – так называемые песни профсоюза гетто, танго, танцы... Все это часть спектакля, который ставят герои пьесы. Но мы очень хотели уйти от бухгалтерии, подняться над этой душещипательной историей, создать спектакль более философского, обобщенного содержания. Если честно говорить, такая пьеса, если она даже плохо поставлена, всегда работает. Но мы не хотели поставить просто хороший спектакль, мы хотели сделать что-то совершенно другое. Если у нас получилось, замечательно! Авто работал день и ночь... Самым трудным было отказаться от текста. В спектакле звучат два небольших молитвенных стихотворения - псалмы, в которых есть глубина, трагизм... Эти молитвенные

стихотворения - о нерожденных детях, о том, что все преходяще – как у Екклезиаста. В конце концов, человек превращается в пыль, даже тень пыли исчезает. Вот эти два номера, где есть текст. А все остальное – без слов, с использованием слов междометий «я-я», «е-е», вроде грузинских «авдила-вадила», «харало». Учить актерам иврит сейчас было сложно, в этом случае трудно избежать акцента. Поэтому мы решили привнести нечто другое – яркие эмоции, состояние души.

- Как мне известно, вы много и очень интересно работаете. Что вы завершили перед тем, как приступили к «Гетто»?

- Да, я много работаю. Перед приездом сюда я завершил работу над двумя фильмами. Один будет представлен на Каннском кинофестивале – он называется «Фильтрация». Картину снял Довер Косашвили. А Нина Чаплина сделала картину по рассказу известного еврейского писателя... Но это мимолетные заказы, а в основном я пишу серьезную музыку. Так, написал симфоническую музыку для наших немецких друзей. В Ингольштадте есть Камерный грузинский оркестр, который двадцать лет назад прибыл в Германию – это скрипачка Лиана Исакадзе со своими музыкантами. В тяжелые времена их вынудили уехать отсюда. Покинув Грузию, они тогда спаслись. И сейчас они стали частью немецкой культуры... К юбилею оркестра, который будет отмечаться в июне, мне и была заказана музыка для струнных инструментов. В концерте прозвучит и музыка Гии Канчели. Мое сочинение, камерная симфония для струнных, называется «Перелетные птицы».

- Перелетная птица - это вы?

Г.Маргания, А.Варсимашвили, И.Барданашвили

Ш.Кобидзе, И.Барданашвили, Г.Батиашвили

- Мы все перелетные птицы. Я имею в виду и себя, и участников оркестра. Участники оркестра приехали в Германию и стали частью ее культуры. Но они всегда могут вернуться на родину. Как перелетные птицы. Это и печальная, и в то же время оптимистическая история. Ведь птицы – свободные существа. И я такой же свободный музыкант...

- *Есть преимущество в том, что вы занимаетесь музыкой - тем видом искусства, которое легко преодолевает границы, не так ли?*

- Но музыке нужно исполнять. Поэтому необходимы музыканты, которым нравится твоя музыка, друзья. Хотя моя судьба в этом отношении счастливая. В Грузии все для меня складывалось неплохо, а в Израиле – еще лучше. Это факт. Потому что мои сочинения много исполняют, у меня много заказов. Я стал частью культуры Израиля.

- *Что вы ищете в музыке, к чему в первую очередь стремитесь?*

- Все ищут в музыке самих себя. Зачем ты пишешь музыку? Чтобы рассказать о самом себе и о том, как видишь этот мир. Иногда, правда, композитор надевает маску, но объективно все равно пишет о себе. Музыка – это очень-очень интимная вещь. Это язык души. Существуют одни и те же двенадцать нот для всех, но музыка создается такая разная. Музыку пишут тысячелетия, но ей все нет конца... Причина в том, что у каждого – абсолютно индивидуальный внутренний мир. И настолько индивидуальный, что двенадцати нот хватает для того, чтобы рассказать о чем-то самом сокровенном и не поставить точку. Все думали, что после

Баха, Моцарта музыка умрет... Но после них появились Чайковский, Брамс, Малер, Шостакович. Говорили, что после Шостаковича ничего нового уже не будет, однако возникли Шнитке, Губайдулина. Точку никто не может поставить – точно так же, как в жизни. Точки ставишь, когда ты пустой – детей нет, и ты ничего не создал. Помните фильм «Жил певчий дрозд» Отара Иоселиани? Герой прибил гвоздь – вот и все, что от него осталось. Человек жил, писал музыку, и любовницы у него были, но вот он умер и остался только гвоздь, на котором шапка висит. Это напоминание о том, что жизнь стремительно пролетает мимо, поэтому нужно успеть что-то оставить после себя. Не нужно суетиться, бегать за всем сразу, нужно последовательно заниматься чем-то одним, самым важным, и так до конца. В этом был очень глубокий смысл картины. Тогда не все поняли, почему в конце картины крупным планом часы. Но время прошло, и все поняли: время стучит. Время героя фильма кончилось, а наше-то время еще стучит... Конечно, человек обязательно должен оставить определенный духовный след... Вот ушел актер Нико Гомелаури – и осталась звезда, которая светит всем. Это ему ничем не поможет, но осталась память...

- *Один довольно образованный человек сказал, что воспринимает только доромантическую музыку, другой отрицает все, что написано после романтизма...*

- Таких людей немало. Но это ничего не значит. Квартеты Бетховена тоже в свое время не приняли, и что же, ругать из-за этого Бетховена? Не приняли, потому что это было нечто новое. Люди вообще объективно консервативны. Это связано с воспитанием. Барток

написал для молодого поколения цикл фортепианных пьес «Микрокосмос». В одной из них музыкальными средствами изображена муха. Дети обожают это играть... Нужно просто понимать язык музыки. Помню, приехав в Израиль, я не знал языка. Люди рядом смеялись, а мне казалось, что они смеются надо мной. Такое было ощущение... Хотя ко мне этот смех не имел никакого отношения. Так и в музыке, когда люди не понимают символы нового языка. А новое принесли нам такие гении, как Бах, Моцарт, Бетховен, Берлиоз, Шостакович... Они были революционерами. Этих композиторов поначалу не принимали, а потом их музыка стала классикой. Шнитке был самым авангардным композитором, его долго не воспринимали, а теперь его понимают, любят, ценят. Это цвет музыкальной культуры! Если его музыка задевает за живое, то это потому, что он сидел в гетто, в закрытом пространстве. Его диссонансы выражают агрессивность, а духовная музыка – молитвенность, погруженность в глубины. Два таких мира... Это не было похоже ни на Чайковского, ни на Шостаковича. Язык, технологии совершенствуются, и это влияет на музыкальное мышление. Можно все новое отрицать, жить только романтизмом – это ведь не только Шопен, Шуман, Шуберт – таких композиторов очень много. Но объективно слушают только Шопена, пять процентов знают Шумана, Шуберта и того меньше. И при этом считают, что любят романтическую музыку. О вкусах не спорят. Помните, как когда-то воспринимали «Битлов»? А сегодня это классика. В этом и парадокс. Так что с выводами спешить не надо. Надо немного подождать. Тем более,

что для музыки, культуры вообще, 10-30 лет – сущий пустяк.

- *Значит, музыка интересно развивается?*

- Музыка развивается. Первая волна – поиски чисто экспериментального характера. Идет поиск языка. Вторая волна – когда язык уже обобщается, получает направленность и становится ценностью. И все это понимают. Ведь и романтизм был революцией против классицизма. Он воспринимался в штыки из-за формы, из-за экспрессии, динамизма. Романтизм принесло новое время – время капитализации общества. Хотелось говорить о человеке, и романтизм открыл мир человеческой души. А потом шли войны, самые страшные. И они родили экспрессивность... О чем может писать человек, переживший Первую мировую войну? О том, что видел. А дальше была Вторая мировая война, и стало понятно, что никаких эмоций не может быть. А о чем можно говорить, если только детей погибло полтора миллиона? Никаких эмоций уже не осталось. Только мир, пространство. И музыка стала пространственной, ушла от эмоций. И сегодня это совмещается в музыкальной культуре. Шнитке – это просто разрыв эмоций, а Пендерецкий – пространство, свет...

- *А нынешний мир?*

- Нынешний мир – это виртуальный, интернетовский. А как это выразить в музыке? Языком Чайковского никак невозможно. Соответственно, идет поиск нового языка. Всегда так бывает, а потом новое становится частью жизни. К этому нужно относиться философски. Я не агрессивный модернист, но я – модернист. Для меня модернизм – мое стремление привнести что-то свое. Не всегда это принимают, но все-таки меня принимают больше, чем других. Как это объяснить – моим провинциализмом или успехом? Не знаю. Только время может определить, написал ли я что-то стоящее или все мои сочинения можно выбросить на свалку. Народ решает... Почему, к примеру, сохранилась, полюбилась песня «Шен хар венахи», а другие не остались? Значит, есть в ней что-то особенное. Руставели некогда изгнали из Грузии, а теперь он – национальное достояние, гордость нации. Раз сохранили, значит, он оказался нужным народу. Ведь его запомнили в устной форме... Как это объяснить? Вот это феномен культуры. Еще один пример – Сталин, создавший мощную империю, которую до сих пор не могут разрушить. И его, пролившего много крови, продолжают в России любить. Да и в Грузии любят царей, которые творили бог знает что. Тот же Давид Агмашенебели – сажал на кол, выкалывал глаза. Но он создал грузинскую государственность. То же самое – Иван Грозный. Время – лучший судья. Надо подождать, что в итоге получится. Я лично никогда не спешу с выводами. В связи с Грузией слышу много разных разговоров – кто-то доволен нынешней властью, кто-то нет. Но я вижу правильную динамику развития страны. Нельзя этого не видеть. Конечно, все в Грузии хотят большего – так же, как и в Израиле. Так что все лучше видится на расстоянии, издали. К примеру, люди в театре живут только своими героями и не представляют, что происходит за пределами театра на улице. А приходит человек со стороны и видит все гораздо яснее, четче. Вот такой феномен...

Танго из спектакля «Гетто»

Инна БЕЗИРГАНОВА

ПРЕМЬЕРА

«СВЕТ! БОЛЬШЕ СВЕТА!»

К 65-летию Великой Победы на сцене Тбилисского государственного академического русского драматического театра имени А.С. Грибоедова при поддержке Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» (продюсер – Николай Свентицкий) состоялась премьера спектакля «Гетто» по одноименной пьесе известного драматурга Джошуа Собола.

Впервые она была поставлена в 1983 году в Хайфе, а спустя шесть лет в переводе на английский язык – в Нью-Йорке и Лондоне. На постсоветском пространстве пьеса «Гетто» практически не ставилась. В ней выведены исторические персонажи, изображены реальные события, произошедшие в вильнюсском гетто.

Первое, что слышит зритель, пришедший на спектакль, – синтез каких-то странных, тревожных звуков, напоминающих скрежет, лязг металла, отдаленный гул. «Хаос!» - говорит обер-лейтенант Киттель. И невольно обращаешься к первоначальному значению древнегреческого слова «хаос». Он соотносится с ночью, тьмой, смертью, бесформенностью. В то же время это образ становления и объединения противоположностей. В нем все разворачивается, раскрывается, проявляется; в него же все возвращается, в нем

все сворачивается и скрывается. Хаос связывается с творческим началом; сущность хаоса – пустота и ничто, которые содержат и порождают все. В хаосе совпадают начало и конец, жизнь и смерть... Этот философский посыл прочитывается в трагической истории, показанной в спектакле Автандила Варсимашвили «Гетто».

Жизнеутверждающее начало выражено режиссером через главную тему спектакля – тему театра. Ведь вслед за словом «хаос» Киттель произносит другие слова: «Свет!.. Больше света!» И огни софитов, ярко освещая сцену, рассеивают непроглядную тьму страшной реальности.

В основе сюжета – создание театра в вильнюсском гетто, а также история взаимоотношений немца Киттеля и еврейской певицы Хайи.

Сценография спектакля лаконична (художник Мириан Швелидзе). Пустое, словно выхоленное пространство, скученные на пяточке сцены фигуры – как продолжение миллионов жертв Холокоста, запечатленных на заднике сцены. Над ними, в самом верху, – театральная ложа. Слово спасительный Ноев ковчег...

Эффектно начало – откуда-то сверху падает одежда расстрелянных евреев, а будущим жертвам предлагается выбрать из этой кучи что-то для себя. Актив-

вораживают, «затанцовывают» фашиста. Почти как вызов звучит песня Хайи, которую она исполняет по приказу Киттеля.

Однажды немец требует, чтобы артисты гетто сыграли ему «чего-нибудь»! Евреи начинают свое неистовое кружение в танце, так что Киттель оказывается в кольце. А потом, резко повернувшись, выставляют фашисту свои зады. Разыгрывая байки, анекдоты, притчи, которыми буквально пронизан весь спектакль, узники гетто также поддерживают друг в друге жизненные силы, мужество. Это еврейское «чего-нибудь» – как глоток воздуха, неистребимый дух народа, способного перенести невозможное.

Конфликт разворачивается и в душах людей – как жертв, так и их палача. Киттель разрешает евреям организовать театр. «Но театр на кладбище быть не может!» - считают кукольник Срулик и библиотекарь Крук, ведь здесь были уничтожены тысячи евреев. «Вот ради этих людей мы должны создать театр!» - уверен начальник гетто Яков Генс, прижимая к груди ворох окровавленного тряпья. – Нам нужно сохранить нашу культуру, себя - немцы хотят уничтожить нас, прежде всего, духовно. Мы должны создать театр, чтобы сохраниться как народ!»

Конфликт имеет место даже в душе такого монстра, как Киттель. До войны немец был артистом, и он способен оценить настоящее искусство. Потому и не может преодолеть тяготения к еврейке, будучи очарованным ее талантом и красотой, потому и дает согласие на создание театра. «Я в первый раз за долгую жизнь почувствовал себя счастливым! Вы подарили мне радость! Ваше искусство спасло вам жизни!» - говорит он актерам. И, тем не менее, когда Хайя совершает побег из гетто, Киттель безжалостно расстреливает театр.

Одна из наиболее впечатляющих сцен спектакля – танго в исполнении Киттеля и Хайи. Это дуэль, смертельный поединок, квинтэссенция страсти-ненависти. Немец властно притягивает к себе девушку, она мечется, словно пытается вырваться из пут... а потом сама бросает вызов Киттелю, начинает лидировать в танце, но в итоге все равно оказывается у его ног... Поверженная, но не побежденная, не сломленная.

Есть в постановке еще одно танго – его исполняют артисты театра гетто после страшной селекции – отбора и уничтожения каждого третьего ребенка в еврейских семьях. Эта сцена – доминанта спектакля. И как утверждение спасительной силы театра – танго! Хореографом Гией Маргания подчеркнут графический момент. Он убрал из танго эротический элемент, предельно обнажив эмоциональный. Пластический язык, придуманный интересно мыслящим хореографом, передает пограничное состояние людей, постоянно находящихся под знаком смерти, существующих «на грани» бытия и небытия и,

Сцена расстрела

ный красный свет на осиротевших вещах рождает жутковатое впечатление – одежда в крови!

В спектакле два полюса: на одном – немецкий офицер Киттель, воплощающий в себе бесчеловечную сущность фашизма, на другом – беззащитные евреи гетто...

Этот конфликт выражен, в том числе, пластически. Так, защищая Хайю от Киттеля, узники гетто – будущие артисты театра – сплываются и буквально за-

тем не менее, создающих Театр.

Потрясает музыка замечательного израильского композитора Иосифа Барданашвили. Она своеобразна по колориту, мелодически богата. Ей свойственны рельефность, выразительность, яркая театральность, контрастность образов и проникновенный лиризм. Все, кто ставил пьесу «Гетто» до сих пор, использовал уже существующий материал – песни Вильнюсского гетто. Но Барданашвили создал свой, особый мир. Конечно, еврейский дух в его музыке живет. Но это, прежде всего, глубокая, духовная музыка общечеловеческого, философского звучания, раскрывающая тему жизни и смерти, тему духовного прозрения. При всей своей трагичности, она освещает спектакль внутренним светом...

И музыкальный, и пластический ряды выражают торжество человеческого духа.

Интересны актерские дуэты: Киттель (Аполлон Кублашвили) – Хайя (Мариам Кития), Срулик (Михаил Амбросов) – Манекен (Этери Маглакелидзе).

Фактурный и харизматичный Аполлон Кублашвили резкими, крупными мазками создает образ внешне холодного, но обуреваемого страстями и не лишённого комплексов жестокого убийцы. Бунтарский дух живет в хрупкой героине Мариам Кития.

Самоотверженный, трогательный Срулик, ставший режиссером театра гетто, и отчаянно-дерзкая Манекен – настоящие комедианты, яркие, пластичные, подвижные... Для них сцена – единственно возможная форма существования и протеста.

Трагична судьба Генса – в этой роли выступил Слава Натенадзе. Начальнику гетто приходится выполнять страшные приказы Киттеля, в то же время он пытается сохранить свой народ от полного уничтожения, духовного порабощения.

Ловко приспосабливается к обстоятельствам портной Вайскопф – Михаил Арджеванидзе, буквально балансирующий на одной ножке. Этот человек всей душой ненавидит фашистов, однако закон выживания диктует свои правила. Совершенно иначе устроен интеллигент Крук – Олег Мchedlishvili – он делает другой выбор: уходит с Хайей к партизанам.

Дмитрий Мерабишвили ярко представляет острого характерный образ Предсказателя, предрекающего судьбу Генса как спасителя евреев гетто...

Труппа артистов театра гетто в спектакле очень активна, действенна. Это единый пульсирующий организм. Иногда, освещенный красным светом, он напоминает пламя... Протуберанцами вспыхивают смешные истории и серьезные притчи в запоминающемся, рельефном исполнении Людмилы Артемовой-Мгебришвили (Юдифь), Наны Дарчиашвили (Сара), Аллы Мамонтовой, Дмитрия Спорышева. Замечательно справились со своей творческой задачей Софо Ломджария, а также занятые в спектакле выпускники актерского факультета Грузинского университета театра и кино имени Ш. Руставели Медея Мумладзе, Нина Калатозишвили, Нина Нинидзе, Василий Габашвили, Александр Лубинец, Илья Кенчадзе.

Судьба артистов театра гетто фатальна – они погибают. Но живительна сила искусства – проникнутая трагическим пафосом финальная песня в их исполнении утверждает бессмертие театра.

Сцены из спектакля

Инна БЕЗИРГАНОВА

САМОРОДОК

Отиа Иоселиани

Отиа Иоселиани - самородок. Именно так вошел он в литературу - ярко, самобытно, со своей темой и своим стилем, со своим прищуром и своей сванской шапкой. Первые же публикации выявили редкую особенность его дарования, в котором равно органичны романтическая приподнятость, передаваемая прозрачной грациозной прозой, и острый, я бы сказал, рискованный интерес к темным глубинам человеческого сознания, реализуемый в совсем иной стилистике - сложной и сумрачной, полной прозрений, намеков и недоговоренностей. Оба русла самобытного дара обозначились с первых же публикаций. Чтобы убедиться в этом, достаточно перечитать «Вдовьи слезы» и «Со скорого поезда». Художественным симбиозом двух течений представляется блистательный «Звездопад», ставший классикой и вошедший в хрестоматии. Серго Закариадзе расслышал интонационную живость диалогов молодого писателя и привлек его в театр. Так начался драматург Иоселиани, автор многих пьес, одна из которых - «Пока арба не перевернулась» лет двадцать не сходила со сцен десятков театров. 70-е годы стали подлинным триумфом Иоселиани за пределами Грузии. В Москве на трех сценах шли его пьесы (с Борисом Чирковым и Анжелиной Степановой в главных ролях), в крупнейших издательствах выходили тома избранного и сборники прозы, иллюстрированные лучшими художниками книги для детей расходились по всему миру. (Японцы до сих пор переиздают «Сказки для Бачо»). Тогда в прессе Отию полшутя уговаривали написать либретто для оперы, дабы подтянуть отстающий жанр.

Я помню его увлеченную работу над грандиозным

романом «Черная и голубая река», как и «Звездопад» посвященным Великой Отечественной войне. Многие его страницы по глубине и силе сопоставимы с Достоевским и Фолкнером. Как жаль, что завершение романа совпало с обвалом литературного дела и выдающееся произведение осталось, по сути, непрочитанным. А тогда Мастер, еще не отложивший мастерка, готовился к отделочным работам. «Теперь надо убрать строительные леса», - говорил Отиа, еще не зная, что наступили новые времена и на смену думающему обществу пришло общество потребления. Однако, сегодня не время о грустном. Слава Богу и сегодня слово Мастера востребованно. Опираясь на 10 томов собрания его сочинений, лингвисты работают над словарем имеретинского диалекта. Давние почитатели ждут встречи с любимым писателем в прессе и на экранах телевизоров. Как известно, «Лета к суровой прозе клонят». Но Иоселиани и в этом оказался и самороден и самобытен: не так давно он опубликовал свой первый поэтический сборник - страстный, искренний, свежий.

Дорогой Отиа! Устами своего Агабо ты некогда с горечью посетовал: «Человеческая жизнь - два дня». Нынче, когда пройден достаточно долгий путь, остается признать, что ты оказался прав. И все-таки я говорю тебе - Мравалжамиер! Многие лета!

Александр ЭБАНОИДЗЕ

ВДОВЫИ СЛЕЗЫ

Как бы не так, Лукаиа-долговязый! Не жрать твоим лошадиным зубам до тех пор... Не выйдет у тебя с Дарико.

Может, ты на что-то надеешься? Может, от того, что она в тот раз ни слова тебе не сказала, ты решил — все, баба твоя?

Чтоб тебе не встать до тех пор!!

Хоть бы уж на человека был похож, несчастный...

Что же ты, ростом собираешься охмурить вдову или своим лошадиным ржаньем? Ты, как буйвол, сверкнул тогда глазищами... Что, теплы были ее бедра?

Или Дарико ее несчастья не хватит, бессовестный? Хотела помочь тебе мешок перенести, пожалела, надорвется, мол, а ты, как проклятый, как раз тогда и споткнулся о корягу.

Что? Скажешь: из-за мешка недоглядел...

Ох, утра не видеть твоим бесстыжим глазам! Что же ты в ее сторону свалился и бабу под себя подмял?!

Хорошо еще, свекор ее болен... Будь он здоров, не пришлось бы ей связываться с тобой.

Сейчас небось радуешься в душе: Сардионова вдова, мол, на коленях у меня сидела...

Лукаиа! Если есть у тебя хоть капелька совести, как ты можешь так думать. Если бы ты приволок какую-нибудь в дом, а потом протянул бы ноги, разве Сардион позволил бы себе такое?

А потом, когда ты отнес муку, а Дарико и на глаза тебе не показалась, не стыдно тебе стало? Видела тебя Дарико, видела, да не показывалась!

Или ты хотел еще раз споткнуться и упасть на

нее?

Даже мельком нигде ты ее не увидел, так и ушел, оставив мешок на балконе. И с арбы оглянулся, как будто невзначай, между прочим. И опять ее нигде не было.

Как ты не сгорел от стыда?

Неужели и после этого думаешь: на коленях, мол, вдова у меня сидела?

Стыдно тебе!

Четыре года носит Дарико черный платок, четыре года дрожит над слегшим от горя свекром и, ей-богу, ни разу голову не подняла, цвет неба позабыла... Как же ты смел подумать о ней такое? Где твоя совесть, Лукаиа!

После того дня Даро ни разу не просила тебя отвезти зерно на мельницу. После того дня Даро просила об этом других соседей, а иногда и сама взваливала на плечо мешок и шла... Да, конечно, свекру очень неприятно: разве пристало женщине мешки на мельницу таскать. Но теперь не те времена, которые помнит свекор. На уборку чая женщины ходят в сторону мельницы. И Даро занесет на мельницу пуд зерна, оставит, до вечера чай будет собирать, а вечером зайдет... и готова мука.

Часто случаются попутчики, иногда арба нагоняет. То один поможет, то другой. Бывало, что и самой приходилось тащить перехваченный посередке бечевой мешок. Иной раз ночь заставала ее в дороге. Там, где начинается дубняк, страшновато ночью, но в этих местах редко кого встретишь, а если кто и попадется, то поздоровается почтительно и пойдет дальше.

Недолго осталось ей ждать. Вот уже новую мельницу строят в центре села. Хорошее дело — электричество...

Да, так лучше для Дарико. И незачем ей просить Лукаию. Пусть лучше она помучается, чем за мешок помола позволит долговязому валять себя, как дыню в подоле.

Два раза проезжал после этого дылда мимо ее двора и оба раза оставался ни с чем... А сам как будто не обращал на нее внимания. У других, мол, соседей беру зерно, вот видишь, арба полна мешков.

Но Даро знает, что за червь гложет эти лошадиные зубы.

Сегодня кончилась мука у Даро, вытряхнула остатки. Свекор, хоть и встал, но не настолько крепок, чтоб идти на мельницу. Придется ей сходить и в этот раз. Вот-вот должен приехать долговязый на своей арбе, но Даро опять отпустит его не солоно хлебавши. Может, хоть тогда дойдет до этого мерина, что не станет Сардионова вдова стелиться под него каждый раз, когда он споткнется.

Она сходит в амбар, вынесет кукурузу, попросит свекра помочь ей и управится до вечера.

Сейчас засуха. Кукурузу нельзя оставлять на мельнице. Сборщицы чая уже не ходят в ту сторону. Все работы перенесены на другой участок, к каналам.

Пока рано. Она, конечно, успеет размолоть зерно. До вечера обязательно надо успеть. Кому охота каждый день тащиться в такую даль. К тому же на днях этот мерин появится и, довольный, заржет.

- Чего ты спешила, гого!* Я не мог отвезти это, что

-----
* Гого – девочка. Принятое в Грузии обращение.

ли?

Девочка? Какая она девочка! У нее муж был и семья осталась! Как же можно ее, вдову, девчонкой называть!..

Уже, пожалуй, шесть лет никто не называл ее так. Это и он знает, но...

- Девочка...

Господи, какая я ему девочка!..

... Даро взвалила на плечо мешок, надвинула черный платок на брови и пошла.

Она быстро будет идти и успеет до вечера.

А ты, долговязый... не дожидаться тебе того дня. Вот уже скоро построят новую мельницу, и останется Лукаиа с разинутым ртом.

Когда вдова подходила к мельнице, солнце уже расплылось, растеклось по небу. Она сорвала с головы платок, удивилась:

- Отчего так тихо? Может, я заблудилась?

Нет, она не заблудилась. Вот и старая бревенчатая мельница, крытая побелевшей от мучной пыли черепицей. Но почему-то не слышно ни шума, ни плеска... Двери открыты, но мельника не видать.

Даро осторожно вошла в сруб. Мешки были навалены один на другой, мучная пыль окутала все, негде было ступить. Даро опустила мешок на пол и вышла поглядеть на запруду: мельник, присев на корточки, затыкал щели в маленькой плотине.

Не хватало воды. Потому-то и набралось столько зерна. Дарико долго ждала мельника.

- Хоть бы уж поскорее домой отпустил, — забеспокоилась она.

Мельнику и самому неприятно было задерживать вдову.

- Если бы бункер не был заполнен... — пожалел он и пустил набравшуюся воду.

Вода стремительно побежала по узкому желобу, упала на лопасти колеса, и из тяжелых жерновов, показалось Даро, послышалось ржание Лукаии-долговязого. Даро испуганно огляделась.

- Не убежишь, не убежишь, не убежишь! — смеялся Лукаиа где-то рядом.

Слышишь, Лукаиа! Даро устала, ей хватит и своих забот. Ты лучше оставь ее, язва, не то она не даст себя в обиду.

Мельник закрепил мешок над бункером и стал засыпать зерно.

- Куда убежишь, куда убежишь, куда убежишь! — опять заржал Лукаиа.

Эй, долговязый! Ты лучше ступай своей дорогой. Даро не из тех, с которыми можно позабавиться. Уж лучше женись. Напрасно ты таскаешься за Сардионовой вдовой.

- Не убежишь, не убежишь, не убежишь! — не отступает долговязый.

Мельник выгреб муку и обернулся к Даро.

- Если подождешь, как вот это перемелет, в первую очередь... — извиняется старик.

Даро только сейчас вспомнила, что уже стемнело. Вскочила, выглянула за дверь. Солнце закатилось, оставив землю наедине со звездами.

Мельник опорожнил ее мешок.

- Не убежишь! Не убежишь! — захрипели жернова.

Кто знает, может, ты и раньше косился па Дарико, потому и не обзавелся своей семьей. Ты хоть теперь

подумай о себе. У Дарико не злое сердце... нет. Ну что ж, что судьба обидела ее? Она никого не винит в этом и чужому счастью не станет завидовать. Найди свою дорогу, Лукаиа, свое счастье найди, несчастный...

Вдруг жернова, словно осипнув, захрипели тише. Мельник вышел на плотину и перекрыл воду. Стало тихо.

- Дедушка! Что ты сделал, дедушка?! — вырвалось у Даро.

Далеко в тишине послышался протяжный скрип арбы.

- Кто-то еще целую арбу везет на помол, — пробормотал мельник.

Скрип приближался, слышался все явственней. Даро пробрала дрожь.

Арба подъехала к мельнице и встала. Мельник выглянул из дверей и, прежде чем поздороваться, спросил:

- Ты что, для крыс, что ли, это привез?

В ответ раздалось длинное ржанье.

Даро закрыла глаза и прислонилась к столбу.

- Будет дождь, — говорил Лукаиа. — Не бойся, старик, будет дождь. А не будет — и черт с ним...

Даро сорвалась с места.

Если Лукаиа увидит ее здесь... Нет, не дай бог!

Нет... Лукаиа! Отчего ты ног себе не обломал?! Отчего не перевернулась твоя арба! Почему мост под тобой не провалился? Что за злой ветер занес тебя сюда! Только этого ей не хватало, только этого!

Нет. Она должна убежать. Лукаиа не должен увидеть ее здесь...

А мельник? Что скажет мельник? Кто знает, может, старик даже обрадовался в душе, нашел, мол, вдове попутчика.

Нет, нет... Пусть говорит, что хочет, пусть, что хочет, думает! Она не может поехать с Лукаией через все эти поля, через этот густой дубняк, по темной, пустой проселочной...

Как ей потом свекру на глаза показаться!

Нет, лучше убежать.

Лукаиа занес огромный куль, бросил его в темноте на другие и зажег спичку. Мельник пустил по желобу воду, и опять заржал Лукаиа.

- А теперь куда убежишь, а теперь куда убежишь!

Даро хотела встать, но не смогла и повернулась спиной к вошедшему.

Лукаиа зажег коптилку.

- Это ты, гого! Чего же ты спешила? Или я не мог отвезти?..

Даро хотела промолчать, но потом испугалась чего-то и еле выдавила:

- Я не знала... если б я знала.

Лукаиа не расслышал ее голоса в мельничном шуме, вышел, вернулся со вторым кулем, с трудом

обхватив его и широко ступая.

- Чего ты ищешь, Кимоте? — спросил он мельника и, не выпуская мешка, обернулся к нему.

- Мешочек... пустой мешочек был здесь, — суетился старик.

- Мешочек, — повторил Лукаиа, — найдется, куда ему пропасть, — и еле сообразил опустить свой куль на пол.

«Мерин!.. Настоящий мерин!» — подумала Даро.

Лукаиа перетащил все мешки и сел.

- Эх, засуха... — вздохнул, он и стал закручивать самокрутку.

Про Даро он как будто и не помнил, как будто забыл, что она здесь. Поднес к коптилке свернутую, как мутака, сигарку и затянулся.

Ох, хитришь, Лукаиа, хитришь!..

Потом стал помогать мельнику выгребать муку.

Что, торопишься? Поскорее бы кончить это и выйти на дорогу...

В бункер снова засыпали зерна.

Лукаиа завязал мешок, поднял его, остановился в дверях и сказал:

- Будет дождь, верно тебе говорю, — потом обер-

Даро бросилась в темноту.

Пусть хоть здесь, при мельнике, не трогает ее...

- Вот арба.

- Вижу, — прошептала она. Хотела закричать — руку, руку пусти! Но Лукаиа не держал ее за руку. Тяжело двинулась арба.

Лукаиа шагал рядом, держась за поручень. Даро сидела, спрятав голову меж рук. Арба подпрыгивала, громыхла на изъезженной, изрытой дороге и со скрипом катилась дальше.

- Что же ты над осью села, — сказал Лукаиа, - пересядь вперед, а то растрясет.

Катилась арба, и рядом шагал Лукаиа, а мельничный шум становился все тише и тише...

- Ну-у... стой, стой! — послышался голос Лукаии.

Быки пошли медленнее. Колеса несколько раз перекатились через булыжники. Арба стала.

- Ой! — вскрикнула Даро и подняла голову.

Арба стояла над запрудой.

Чего ты хочешь, Лукаиа? Почему остановил арбу? Ведь здесь мост, сумасшедший, мост! Все дороги сходятся здесь!.. Кто-нибудь нарвется на нас. Ей хватит и своего позора... Не нужно ославлять ее на всю де-

ревню. Хоть бы уж через мост перешли, свернули с дороги... а лучше подожди до леса, — до леса подожди. Ведь лес, ведь вся дорога еще впереди!.. Лукаиа! Только не здесь, только не здесь! Не у моста! Слышишь, долговязый, не тронь, не тронь ее на этом мосту! Весь мир ходит через этот мост!..

Лукаиа перешел через мост. В одном месте мост был проломан. Он отыскал пролом, запомнил его и вернулся к арбе.

...Лукаиа, переведи арбу через мост, а там... черт с ним!

Лукаиа удлинил веревку, привязанную к рогам быков, слегка стегнул их, и арба двинулась через мост. Колеса взобрались на насыпь, Лукаиа осторожно объехал пролом, еще раз стегнул быков. Арба покадилась смелее, быки побежали по скату и оставили аробщика позади. Он нето-

ропливо приближался к арбе. Сейчас уже не спешил долговязый.

Догонит... сейчас догонит.

Быки пошли медленнее.

Догонит, ненасытный... только не здесь, не посреди дороги. Подожди до леса...

Он уже в десяти шагах. И быки ему на радость шли медленнее.

Что с того, что сейчас ночь, что луна закатилась... Ведь это дорога. Какой-нибудь запоздалый путник пройдет или охотник...

Александр Эбаноидзе и Отиа Иоселиани

нулся к Дарико, — ты что, не идешь, гого? — и заржал.

«Мерин!..» — опять подумала Даро и, как побитая, поднялась с места. Споткнулась о мешки, встала, опять споткнулась и, пошатываясь, пошла к дверям.

На дворе было темно. Она прислонилась к косяку и не смела ступить ни шагу.

- Идешь ты или нет?

Торопится!

- Я здесь, видишь? — окликнул ее Лукаиа, по-видимому, прыгнув с арбы.

Лукаиа уже в трех шагах от арбы.

Слышишь, долговязый... не делай так, чтоб вдову закидали камнями, не выставляй ее к позорному столбу.

Он уже рядом, взялся за поручень...

Мерин... настоящий мерин...

Даро спрятала лицо в ладони. Нет. Она не может видеть, как долговязый, задрав ногу, упрется коленом в арбу, потом подтянет вторую ногу и не станет слышно его шагов. Арба накренилась назад.

Лукаиа, ты хоть с дороги сверни. Ну... ладно. Ладно! К черту все, только с дороги, с дороги сверни, ненасытный!..

- Ты что, гого, не пересела вперед?

- Нет... я сейчас, — пролепетала вдова и обеими руками сильнее вцепилась в поручни.

Смотри-ка, какую хитрость придумал... «не пересела» говорит. Арба, мол, растрясет тебя... А сам вот сейчас вскарабкается, встанет на арбу, обнимет се... Нет, не дай бог... и как будто не хочет, чтоб ее растрясло, как будто о ней беспокоится... Лукаиа, только не так сильно, знай меру, вот уж действительно мерин! Ведь ты буйвола можешь одним ударом свалить, осторожно... осторожнее! Не поломай ей ребра... не раздави женщину о свою грудь.

...Ты, верно, даже целоваться не умеешь. Откуда тебе знать, что такое нежные ласки... Лукаиа, твоими зубами шкуру рвать... Не будь таким зверем, не опозорь вдову.

Что? Не можешь! Не можешь иначе, зверь ты эдакий! Но лица, - хотя бы лица не трогай! Черт с ним, тело одеждой прикрыто... руки, плечи, грудь, все можно прикрыть... только лица не трогай.

Вот шея... у Даро тонкая белая шея. Ладно, она повяжет ее завтра, притворится простуженной, будет нарочно кашлять, ты только лица ее не трогай...

Медленно катится арба по изъезженной, усыпанной камнями дороге, и рядом, держась за поручень, шагает Лукаиа.

Что?.. Ах! Шагаешь как ни в чем не бывало... Будто бы пожалел женщину и здесь, посреди дороги, не позволил себе ничего. А в лесу ни совести с тебя никто не спросит, ни чести, ни человек тебя не увидит, ни бог. Или грех, совершенный в лесу, не грех?

А вот и лес уже близко... Что же тебе там помешает. Делай, что хочешь... останови арбу под деревом, и всю ночь Даро должна будет умолять тебя: отпусти, ради бога, отпусти домой... Я завтра буду твоя и послезавтра... Только свекра не своди с ума, он ведь ждет...

Поначалу ты даже не станешь слушать. Поначалу впустую она будет шептать. Потом ты не поверишь и заставишь ее поклясться. И она поклянется, что будет вечером ждать тебя в лесу.

А что ей останется делать? Разве может она изменить клятве? Или разве ты отстанешь от нее так легко?..

Не надо, Лукаиа, не задерживай ее так долго. Ты не знаешь, какой у нее свекор. Ты не знаешь, что значит попасть на язык всей деревне. Поверь ей, Лукаиа. Даро не станет обманывать. Она придет, обязательно придет... Как только стемнеет, она будет на месте, как только уснет свекор. Все дела закончит пораньше, успеет все, с десятидневной работой справится за день и придет. И послезавтра придет и потом... Только

сейчас не задерживай ее слишком... Ну что, в самом деле, человек же ты... что за чудище сидит в тебе ненасытное!..

Арба уже катится в густом дубовом лесу, и рядом, взявшись за поручень, шагает Лукаиа, сопит, вздыхает. Наверное, выжидает удобного места.

Лукаиа, отпусти на время. У нее семья, свекор... и совесть ее грызет. Женщина не может, как ты, махнуть на все рукой. Ты, Лукаиа, мужчина, ни жены у тебя, ни детей. Тебе и слова никто не скажет.

Лукаиа!

Лукаиа, смотри, чтоб не сорвалось нигде у тебя с языка, не сболтни где-нибудь об этом... Лучше уж своєю рукой убей ее.

Но только ни слова, ты должен дальше держаться от нее после этой ночи. Мужчина должен беречь имя женщины, как веко глаз бережет... как веко глаз бережет, слышишь ты, мерин...

И в этом лесу лучше не оставаться долго.

Потом... Потом Даро сама придет в этот лес, знаешь, туда, где густой кустарник. Там в одном месте, в самой чаще, крохотная полянка, вся усыпанная старой, опавшей листвой...

Ты думал, ближе сюда? Там, где разрослась ежевика и скрыла лужайку от человеческих глаз?

Там высокая и густая трава, это верно. Но трава хуже, Лукаиа... ты же мерин, ты дерево сомнешь, не то что траву.

А на другой день пройдет там кто-нибудь. То место близко от села, так обязательно пройдет кто-нибудь, и выдаст нас смятая трава. Нет, Лукаиа, послушай меня. Там лучше... там гуще лес, вокруг кусты и ни одной травинки. Там даже раз в год никто не пройдет. Правда, далековато, зато нас никто не услышит. Будешь же ты говорить что-нибудь, не станешь же молчать, как немой, как сейчас молчишь.

Левое колесо наехало на пень, медленно взобралось на него. Арба накренилась, колесо соскочило с пня...

- Лукаиа! — вырвалось у Даро.

Лукаиа скручивал самокрутку. Сперва не ответил, смочил языком бумагу, слепил, сунул в рот, потом зажег спичку, глубоко затянулся и спросил:

- Что случилось, гого? Думала, опрокинется? Я-то здесь для чего...

- Да, на тебя... — вдова некоторое время безмолвно шевелила губами и наконец решила, — на тебя я надеюсь, Лукаиа.

Лукаиа выпустил длинную, белесую струйку дыма.

- Ну и не бойся.

Нет, Даро не боится тебя. Сейчас ей нечего бояться. Там, у моста, она боялась. Там нельзя было... ведь нельзя было, Лукаиа, согласись...

Арба медленно катилась вдоль неровной дороги. Колеса со скрипом взбирались на пни, на камни, перекачивались через крепкие корни деревьев, падали оттуда, проваливались в рытвины, колдобины и медленно катились дальше.

Лукаиа широко шагал рядом и пускал струйки крепкого махорочного дыма.

Кончился лес.

...Лукаиа! Кончился лес. Лукаиа! О чем ты думаешь!.. Вон уже первые окна светятся...

Село началось.

...Чего же ты медлил, мерин ты эдакий. Сейчас, уж коли люди ничего не узнают, собаки увидят, прикорнувшие на деревьях куры встрепенутся. Что ты наделал, Лукаиа! Что за черт сковал тебе руки! Ну, куда ты здесь спрячешься от людей?

Арба заскрежетала по камням.

Залаяли собаки.

Лукаиа выкурил самокрутку. Оттянув локти, заложил хворостину за спину.

Лукаиа! Что же ты!.. Смеешься над ней? Будто не хотел насильно, оттого и не тронул ее...

Ты ведь знаешь, она ни слова не сказала бы тебе... ты это хорошо знаешь. Она и сейчас не издаст ни звука, будет молчать, как рыба...

Лукаиа, смотри, вот дом!

Ее дом! Что ты делаешь? Как ты смеешь, чумной. Вдову у ее калитки хочешь опозорить! Вся бесконечная дорога, вся ночь была в твоих руках. Зачем ты так?..

Арба остановилась у калитки.

...Ну вот, Лукаиа, стала арба... Дождался-таки наконец. Вспрыгнешь на арбу, сграбастаешь ее...

В бога ты не веришь... нет для тебя ничего святого! Здесь, в тридцати шагах, спит ее свекор...

- Ты что, не сойдешь, гого?

...Она сойдет, сойдет, Лукаиа. Куда же ей еще деваться. Вот встанет и шагнет... Ты протянешь к ней руки, будто хочешь помочь, но не дашь ей ступить на землю...

...Лукаиа, в лесу было не страшно... Здесь другое дело. Ты хоть отпусти ее сразу. А завтра она придет, куда хочешь... куда прикажешь.

Лукаиа не протянул ей руки. Он потянулся за мешком.

Даро встала у перелаза через плетень.

Вот... до этого места ждал Лукаиа.

Лукаиа, осторожнее на этих кольях...

Ах, если б доска была набита...

Лукаиа понес мешок к перелазу.

Даро замерла у плетня, закрыла глаза и прижала руки к груди. Когда возле своего уха она услышала его дыхание, она, задрожав, простонала:

- Мерин... ох, мерин!

Лукаиа опустил мешок там же, у ее ног. Он хотел перенести его во двор, но вдова закрывала перелаз, и ему не удалось это сделать.

- Спокойной ночи, гого.

Отиа ИОСЕЛИАНИ
Перевод Александра ЭБАНОИДЗЕ

ФИЛОСОФИЯ ТОСТА

*Дорогим друзьям Георгию Гокиели
и Соломону Цаишвили*

Тост как жанр близок к хвалебному слову или панегирику, но не сводится к ним. Если у человека появляется желание произнести тост, значит, он готов к подвигу, орудиями которого являются слово и вино. Хвалебное слово и панегирик в вине не нуждаются и с ним никак не связаны. Если человек не желает произнести тост, но его к этому принуждает тамада или кто-нибудь другой, речь не превращается в тост, хотя по всем внешним признакам может его копировать. Не будет преувеличением сказать, что идея тоста содержится уже в самом вине. Произносящий тост встает не для того только, чтобы выразить уважение или почтение к герою своего выступления и ко всем присутствующим. Он должен занять самую выгодную позицию в пространстве, чтобы со своей вершины подобно орлу озирать всех сидящих за столом и застывших в ожидании чуда. Обозревая с высоты птичьего полета (куда, глубоко вдохнув, он уже мысленно поднялся) пиршественный стол, он видит землю со всеми ее пастбищами, отарами, фруктовыми деревьями и виноградниками. Первое слово – благодарение Богу – молнией вылетает из его уст и сразу же отделяет говорящего от слушающих. Далее следует череда обязательных и полусвободных тостов, но истинный тамада никогда не повторяется, всякий раз привнося в уже знакомый словесный танец элементы импровизации. Пока еще не произнесено имя героя, которому тост посвящается, каждый сидящий пребывает в замешательстве и напряжении – ведь заряд молнии может ударить так или иначе и по нему. Но вот имя произнесено, и все взоры обращаются к тому, кто его носит. Сам же виновник всегда запаздывает – ведь надо отождествить имя, которое он услышал, с тем, которое он носит с рождения. Он его как бы примеряет, иногда удивляется и озирается по сторонам – нет ли у него соперников и надо ли отнести все говоримое к себе и только к себе. Говорящий между тем переходит от личных качеств героя, хорошо всем известных, к его идеальной сущности, повергая последнего в смятение. Пытаясь постигнуть свою сущность, как

она открывается другому, герой внутренне меняется, чтобы не обмануть ожиданий всех пирующих, которые кивками и возгласами одобрения подтверждают сказанное. Эта удивительная метаморфоза длится до тех пор, пока у всех на глазах лепится образ. Всему приходит конец, а конец тоста страшен, ибо молчание готово разрушить образ, стереть бесценную информацию. Вот почему тамада немедленно призывает всех присутствующих осушить бокалы и чаши, пока магия образа не испарилась. Вино не просто закрепляет слово, оно соединяется с ним, формируя новую реальность. Слово органично перетекает в вино, сохраняя свою сладость, но приобретая при этом новые свойства. Вино, выпитое после произнесенного слова, это уже другое вино, с другим набором свойств. Поэтому все участники этого сакрального действия испытывают ни с чем не сравнимое чувство освобождения от безжалостного ига времени. Все застолье – это один бесконечный тост. Пока длится этот тост, смерти нет. Человек на какое-то время парит над землей, испытывая блаженство. Но вот тост кончился, и пора возвращаться к повседневной жизни.

Произнесение тоста – сакральное действие. Истинный тост (неважно, осознается ли это говорящим или нет) всегда обращен вверх голов пирующих к Богу как мольба о благополучии ближнего. Именно поэтому в процессе застолья обретается то «веселие сердца» (о котором поется в Псалмах Давида), которое позволяет человеку открыть новые возможности в слове, совершить здесь-сейчас великодушный поступок, одним словом, превзойти себя обыденного. Чистая застольная радость дарована нам свыше, она не является результатом физиологического воздействия пищи и вина или даже человеческого общения. Но ее трудно удержать в своем сердце. Зато воспоминание о ней и является тем главным компонентом «послевкусия», который готовит нас к следующему празднику сердца.

Застолье, всех уравнивая, каждого делает счастливым по-своему. Слово, не идущее от сердца, слово, покрытое ржавчиной обыденности, превращает тост в пустую болтовню, а застолье – в пьянку. Если произносящий тост теряет золотое слово, он ищет его всю жизнь. Если он не совладал с тостом, он потерял человека; если не вовремя затворил уста – онемел навек. Если же, пропев свой тост и выпив вино, он остался стоять как вкопанный – значит он увидел отблеск вечности, сокрытый от всех остальных.

Владимир ЧЕРЕДНИЧЕНКО

ГОРЫ СКЛОНЯЛИ ГОЛОВЫ

Ночью погода резко ухудшилась. Повалил снег. Порывы ветра сотрясали палатку. К утру та же «сервировка» погоды. Снег, ветер, туман. В десять часов альпинисты снялись с бивуака. Шли со страховкой ледорубами и крючьями. Так преодолели крутой снежно-ледовый взлет гребня. Видимость ничтожная – в пределах двадцати метров. Снег залеплял лицо, сильный ветер затруднял движение.

К 13 часам из тумана выплыли предвершинные скалы. Час спустя альпинисты достигли вершины пика «6010». Быстро сложили тур с запиской. Штурмовая группа высотной экспедиции Спорткомитета Грузии по праву первовосходителей присвоила этой безымянной вершине имя XXV съезда КПСС.

Шел четвертый день траверса, заявленного в чемпионате страны. А всего их будет восемнадцать – дней и ночей заоблачного пути через снежные бураны, в мороз, туман, при постоянном кислородном голодании.

Позже судьи оценят траверс как золотой, чемпионский, но об этом пока не знают участники штурмовой группы.

Маршрут проходил через Большую Сугранскую подкову на высоте от 5600 до 6800 метров, через одиннадцать основных вершин Центрального Памира. И у каждой из них свой характер, своя погода, словно приготовленная злым волшебником. Суровый климат и труднодоступность вершин в верховьях ледников Сугран и Гандо обусловили тот факт, что покорение пиков Москва, 30 лет Советского государства, Ошанина, Союз-Аполлон, Ферсмана и ряда других завершилось сравнительно поздно. На них побывало считанное число горовосходителей. За двадцатилетие пройдены только

гребневые маршруты на эти вершины. Чрезвычайно трудный в техническом отношении участок широтного хребта Петра Первого от пика Душанбе до пика Москва и участок меридионального хребта от пика Москва до пика Наблюдений никогда прежде не проходили в едином маршруте. Его и внесли в заявочный лист грузинские альпинисты.

– Без золотых медалей мы из Памира не уйдем, – вспоминаю слова одного из членов экспедиции. Сказано это было запальчиво осенью 1975 года. Тот сезон принес серебро грузинским альпинистам-высотникам. Но команда знала себе цену, свои недюжинные способности и замахнулась на большее.

Тактический план базировался на отличном знании маршрута. Команда заявляла его еще в прошлом году, но план не удалось выполнить: очень поздно начали работу в районе ледника Сугран. И все же сезон принес выдающийся результат: грузинскими спортсменами были совершены первопрохождения по новому пути пиков 30 лет Советского государства и Ошанина, покорены безымянные вершины, которым они присвоили наименования – Союз-Аполлон и Душанбе.

В 1975 году, уже спускаясь по западному гребню с пика Москва, одной из высочайших вершин страны, которая по трудности приравнена к тьяншаньским семитысячникам Победа и Хан-Тенгри, альпинисты засняли на пленку варианты подъема на вершину – по северо-западному ребру и снежно-скальному склону со стороны пика 30 лет Советского государства. Пленки хранились у тренера команды Шота Мирианшвили. Им отводилась важная роль в быстром прохождении маршрута.

Итак, цель участников золотого траверса была оп-

Дмитрий Дангадзе

ределена заранее: в верховьях ледника Сугран оставалось несколько безымянных вершин. Некоторые из них превышали 6000 метров. Связанные траверсом с пиками Ошанина и Москва, они представляли чрезвычайно интересный в спортивном отношении объект для восхождения.

Еще одно обстоятельство побудило команду бросить вызов горам. Траверс посвящался светлой памяти Джумбера Медзмариашвили, Теймураза Кухианидзе, Илико Габлиани. Как и памирское восхождение предыдущего года.

«Почему же вновь?» — не удержался я тогда от вопроса и тут же пожалел о сказанном.

Среди участников памирской экспедиции были и те, кто пятнадцать лет назад находились в Небесных горах, на самых подступах к пику Победа — тяньшанскому семимысячнику с необычной историей и мрачной славой (не одно десятилетие запомнившийся пиком Поражений). И тогда в борьбе с вершиной люди побеждали беспощадную природу, обретая и утверждая себя, силу своего тела и духа. Обретая бессмертие.

Я понял, что пока Шота Мирианшвили, Мито Дангадзе и их товарищи в силах держать ледорубы, те временно трагически ушедшие, незримо будут присутствовать рядом, зовя вдохнуть дыхание снежных вершин и найти силы для решающего броска.

Двое из семнадцати участников экспедиции, братьев по крови, из орлиного рода Михаила Хергиани (речь идет об участнике штурмовой группы, инструкторе горноспасательного пункта в Местиа Серго Барлиани и руководителе вспомогательной группы Хута Хергиани). Нетрудно понять, какие чувства руководили их действи-

ями на маршруте.

Зачинатели советского альпинизма — горовосходители Грузии, преодолев спад, вызванный сменой поколений, вновь заставили заговорить о себе, вспомнить послевоенные годы, когда под руководством заслуженного тренера СССР Отара Гигинеишвили воспитанники Грузинского альпийского клуба имени Алеши Джапаридзе заставили склонить головы вершины Памира и Тянь-Шаня.

Стаж бывалых альпинистов исчисляется не одним десятком лет. В Грузии этим никого не удивишь: можно было отобрать немало блестящих «солистов». Трудно другое: уметь увидеть контуры будущей команды, распознать в товарищах по нелегкому спорту тех единственных, кого завтра возьмешь в связку. И не беда, если это завтра наступит через десять лет...

Здесь не обойтись без разговора о 1973 годе, поворотном для становления и возмужания грузинской команды высотников. Экспедиция совершила восхождение на пики Коммунизма и Евгении Корженевской, удостоенные бронзовых наград. С золотым отливом оказалась эта благословенная бронза. Она подтвердила, что «обкатка» новой команды прошла удачно, что грянул час высотных восхождений. Несколько сезонов ушло на то, чтобы бронзу и серебро двух последующих чемпионатов СССР переплавить в золото. 32 команды заявили о своих притязаниях на чемпионские лавры.

Опыт памирских экспедиций научил многому. И прежде всего — выбору оптимального срока штурма.

Костяк составляли заведующий проблемной лабораторией физики полупроводников Тбилисского университета Шота Мирианшвили, старший преподаватель

кафедры живописи Академии художеств, начальник горноспасательной службы Грузии Дмитрий Дангадзе и старший научный сотрудник Института истории грузинской литературы имени Ш.Руставели АН Грузии Георгий Абашидзе, почетный мастер спорта Отар Хазарадзе. Каждый из этой четверки два десятка лет ходил в горы, покорял вершины Японии, в Швейцарских Альпах и на Кавказе, на Памире и Тянь-Шане.

«Я счастлив, что работаю вместе с ними, – сказал мне один из участников экспедиции, сам великолепный альпинист. – Расскажу случай, который произошел в мае на седловине Эльбруса. После тренировочного восхождения мы оборудовали однодневную ночевку. Лежим в палатке, которая просто трещит от мороза. На высоте обычно испытываешь муки жажды. Вот и я, словно в бреду, повторяю: «Воды!» Слышу, Мирианашвили поднялся, вышел из палатки, загремел примусом. Это очень непросто: на двадцатиградусном морозе надо часа два разжигать примус, чтобы приготовить стакан

С Гиви Картвелишвили на Фудзияме. 1968

воды. Такое забудешь – себе не простишь».

Абашидзе в минуты отдыха не расстаётся с записной книжкой – что-то записывает; сила и уверенность отличают этого филолога. Капитана команды Дангадзе чаще видишь возящегося с примусами: на него товарищи на привалах смотрят как на бабушку в ожидании чего-то сладкого. Удачно вписались в ансамбль кутаисский монтажник Шакро Габисиани (этого атлета товарищи особо выделяли при разборе траверса) и инструктор горноспасательного пункта в Местии Серго Барлиани, который на горы смотрит глазами поэта. «Портрет» команды был бы неполный без заместителя начальника экспедиции по организационной части Тамаза Вашадзе, на счету которого несколько шеститысячников. Друзья отмечали незаурядный организаторский талант Тамаза, его привязанность к горам и увлечение трудностью задач.

Все это позволяло думать: нынешнее золото не последнее в коллекции Грузальпклуба. Команда уже сейчас подумывает о более сложном восхождении, хотя трудно представить что-либо посложнее траверса Большой Сугранской подковы. Мирианашвили мечтает о второй команде высотников. И не без основания: во вспомогательной группе экспедиции были отличные альпинисты Хута Хергиани, Важа Чагелишвили и другие.

Одной из главных достопримечательностей марш-

рута была вторая безымянная вершина. Ей участники траверса присвоили наименование Дружбы народов СССР.

Дружба проявлялась на каждом шагу в помощи, оказываемой грузинской экспедиции экипажем авиапредприятия города Душанбе. Командир вертолета Игорь Иванов (юрист по образованию и знаток поэзии Галактиона Табидзе; в его библиотеке участники экспедиции обнаружили издания Руставели) и пилот Евгений Малахов сумели реализовать дерзкий план Вашадзе – забросить на площадку в тридцать квадратных метров на леднике Сугран, в район верхнего базового лагеря, участников штурмовой группы. Летное мастерство экипажа позволило за два дня сократить путь по морене. А можно ли обойтись в этом мире ледников и эдельвейсов без недостающих медикаментов, которыми с ними по-братски поделились украинские альпинисты, без радиста Саркисяна, которого команда называла грузинским именем Петре? Или без постоянной заботы, которую проявлял к горовосходителям их давний друг первый секретарь Джиргитальского райкома партии Берды Бердиев, без врача Владислава Крейтнера...

В базовом лагере участников экспедиции ждала телеграмма:

«Начальнику грузинской альпинистской экспедиции тов.Ш.Мирианашвили.

Поздравляю с покорением новых вершин и присвоением им наименования XXV съезда КПСС и Дружбы народов СССР. От имени бюро ЦК Компартии Таджикистана и от себя лично поздравляю с этой большой победой.

Д.Расулов, первый секретарь ЦК Компартии Таджикистана».

В самолете стюардесса объявила: «На борту находятся грузинские альпинисты, только что успешно завершившие экспедицию в горах Памира». Мало кто из пассажиров удержался от соблазна взглянуть на этих с виду неприметных людей в креслах салона.

И вот через тридцать пять лет новая встреча с мастером спорта СССР международного класса, заслуженным тренером Грузии Дмитрием Дангадзе, на этот раз в редакции журнала «Русский клуб». Он говорит мне с улыбкой: «Мы, кажется, немного знакомы», и оба, перебивая друг друга, вспоминаем знаменитые «застойные» семидесятые годы, когда он и его друзья, взойдя на вершину, пройдя удачно траверс, вернувшись из экспедиции, шли в редакцию республиканской газеты «Заря Востока», с дневниками восхождений, спеша поделиться новостями со мной, которые я в силу обязанностей заведующего отделом спорта и республиканской информации должен был знать досконально.

Я пришел на новую встречу с Дито не с пустыми руками, подготовился и обнаружил в своем архиве записные книжки, пожелтевшие от времени листки с материалами в номер и показываю гостю мои записи об экспедиции грузинских альпинистов-высотников, которые 25 августа 1975 года взойшли на пик Москва. Возглавлял ее все тот же мастер спорта Шота Мирианашвили, его заместители были по спортивной части Георгий Абашидзе, организационной – Тамаз Вашадзе. Тренер команды – Георгий Абашидзе. В штурмовой группе – Дмитрий Дангадзе (руководитель штурма), Мирианашвили, Абашидзе, Отар Хазарадзе, Серго Барлиани, Шакро Габисиани. Самых добрых слов заслуживали участники вспомогательной группы Теймураз Ахалкаци, Давид

Баидаури, Тариэл Гургенидзе, Важа Чагелишвили – они выполнили заброску и еще покорили две безымянные вершины, двигаясь почти параллельным курсом со штурмовой группой, не упуская ее из виду. Уже садясь в самолет, направлявшийся в сторону Памира, горвосходители узнали о кончине патриарха грузинской литературы Константина Гамсахурдиа и решили присвоить его имя первой же взятой ими безымянной вершины (6047 м).

Штурм пика Москва начался 18 августа. Вспомогательная группа проводила их до перевала Летавета. Отсюда начинался маршрут. Пошли двумя связками Дангадзе-Хазарадзе-Габисиани и Мирианшвили-Абашидзе-Барлиани. На следующее утро начали штурм безымянной вершины (6100 м). Трое суток шли, применяя всю ледовую технику. Еще в Тбилиси узнали об историческом рукопожатии на космической орбите советских и американских космонавтов и решили сделать подарок в память исторического эксперимента – присвоили вершине наименование Союз-Аполлон.

То осеннее покорение пика Москва – одно из лучших в истории советского альпинизма и отмечено серебряными медалями чемпионата страны.

Десятью днями раньше участники экспедиции взшли по новому пути на вершину 30-летия Советского государства. Для ее покорения в 1947 году потребовались лучшие силы отечественного альпинизма. Позади остались многокилометровые переходы по скальным бастионам большой крутизны, высоты, где особенно болезненно ощущалась нехватка кислорода, покорение еще одной безымянной вершины (5800 м), которую на правах первовосходителей нарекли именем столицы союзной республики Душанбе, много сделавшей для успеха грузинских альпинистов.

Вспомнилась подробность: самолет, доставивший их домой из Небесных гор, Тянь-Шаня, вел комсомольский экипаж Грузинского управления гражданской авиации. Какой патриархальной стариной пахнуло из моей записной книжки. Сколько лет сейчас тем комсомольцам?

Помнит ли об этом мой сегодняшний гость, человек из легенды, только что мысленно отшагавший со мной гигантское расстояние своей альпинистской Одиссеи – от Монблана до Фудзиямы? Начинать в Кутаиси, в секции местного Дворца пионеров, чьим перворазрядником потом довелось смотреть на исполина Крыши мира – Памира. А сам Мито Дангадзе в начале пятидесятых переехал в Тбилиси, сдал экзамены и поступил в Академию художеств, окончил ее по классу народного художника СССР Аполлона Кутателадзе, по ходу учебы основал в ее стенах секцию альпинизма (первая любовь не забывается!), работал десятки лет на кафедрах спорта и живописи, выставлялся в осенних и весенних выставках, стал членом Союза художников, заслуженным художником Грузии в конце восьмидесятых и доцентом Академии, и попутно не забывал горы, где ценили его профессиональное умение, техническую подготовку, незаурядные таланты кулиара, слесаря, парикмахера, лыжника. Тридцать лет руководил спасательной службой Бакурианского горноспасательного района и всей Грузии, стал обречен на славу и популярность без границ – «хижине» Мито Дангадзе в Бакуриани, ее гостеприимству воздавали должное космонавты и члены Политбюро ЦК. А можно ли вспомнить все спартакиады, альпиниады, лагерные сборы с его участием, под его началом, походы на байдарках по кипящим горным ре-

кам, конно-туристические переходы в горах - не счесть их числа. Только медалей чемпионатов СССР у Дмитрия Дангадзе десять, всех достоинств. Золотые две – в классе траверсов. Кроме победы в районе пика Москва на Памире 1976 года, еще и за памирский же траверс Зулумартского и Заалайского хребтов шестидесятого года в команде Грузальпклуба (руководитель Леван Ахвледиани). Соревнования особой категории людей, доверяющих друг другу свою жизнь в борьбе с самой страшной из сил природы – высотой, на арене, лишенной зрителей, свидетелей их рекорда.

Не будем уподобляться студенту, обратившемуся к сэру Джону Ханту, руководителю большой британской экспедиции на высочайшую вершину мира, первой удачной, с вопросом: «В чем смысл восхождения на Эверест? Вы были материально заинтересованы или это просто своего рода сумасшествие?» Удачливый ан-

Д. Дангадзе. Альпинисты

Д. Дангадзе. Ушгули

гличанин прибегнул к ответу на тот же вопрос, который дал менее удачливый его земляк Джордж Меллори (он погиб вместе с Эндрю Ирвином в 1924 году возможно уже на обратном пути с вершины): «Потому что Эверест существует!»

Примерно так отвечал нам великий тигр снегов Тенцинг Норгей 11 марта 1963 года в редакционном кабинете «Вечернего Тбилиси», десять лет спустя после первовосхождения. Только самые смелые могут испытать в горах свои силы, любя их, уважая и возвращаясь сердцем.

Арсен ЕРЕМЯН

ПРАЗДНИК ДУШИ

Итак, мы едем в Кахетию. В Цинандали. Мы – это педагоги и школьники из Гори, Тбилиси, Рустави, молодежное объединение литераторов «Молот.О.К.», сотрудники «Русского клуба» и члены Молодежного объединения российских соотечественников в Грузии. Пять незабываемых, переполненных впечатлениями экскурсионных поездок в дом-музей Александра Чавчавадзе подарил грузинской общественности Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб». Этот щедрый подарок был приурочен к юбилею великого русского поэта и дипломата Александра Грибоедова, равно почитаемого и Россией, и Грузией. 215 лет со дня рождения поэта мы отмечаем в местах, где свято хранится память о нем, в поместье, где, по признанию самого Грибоедова, он был «счастливым душой».

Юго-восточнее Телави, в 30 километрах от Гурджаани лежит село Цинандали – крупнейший центр виноделия. На крутом берегу реки Кисисхеви расположена старинная усадьба поэта, боевого генерала, грузинского общественного деятеля первой половины XIX века князя Александра Чавчавадзе. Вокруг – разбитый еще владельцем великолепный парк в английском стиле. Когда-то здесь частыми гостями бывали литераторы и общественные деятели, опальные декабристы, сосланные на Кавказ офицеры царской армии и офицеры Нижегородского драгунского полка, квартировавшего недалеко от Цинандали. Это был интеллектуальный центр передового дворянства Грузии XIX века. В поместье князя Чавчавадзе слышалась грузинская, русская и французская речь, дети его обучались модным танцам, игре на рояле, интересовались литературой, театром. В этом доме родным человеком был Грибоедов. Здесь бережно хранится память о «северном зяте». В парке сохранилась полуразрушенная часовня, в которой вен-

чались русский поэт и дочь хозяина, красавица княжна Нина Чавчавадзе.

Мы идем по увитой виноградником Аллее Любви, по которой когда-то проходила такая счастливая и еще не знавшая своей трагической судьбы супружеская пара, и, кажется, слышим за спиной тихий, печальный голос Булата Окуджавы, приехавшего в 1964 году поклониться этим местам.

Петухи в Цинандали пророчат восход,
и под этот заманчивый крик
Грибоедов, как после венчанья, идет
по Аллее Любви напрямик,

словно вовсе и не было дикой толпы
и ему еще можно пожить,
словно и не его под скрипенье арбы
на Мтацминду везли хоронить;

словно женщина эта - еще не вдова,
и как будто бы ей ни к чему
на гранитном надгробье проплакать слова
смерти, гору, любви и уму.

Именно в этой усадьбе Грибоедов написал свою бессмертную пьесу. И члены семьи, с которой он породнился навеки, были его первыми слушателями и ценителями.

В этом же приусадебном парке Александр Чавчавадзе в 1886 году заложил винные подвалы, решив поставить традиционное кустарное производство на промышленную основу. Так был основан старейший в Грузии винный завод. Он до сих пор выпускает редкие сорта вин и открыт для посещения туристов. Для

посещения с дегустацией также открыты винные подвалы с бочками-великанами, где годами выдерживается марочное вино, удостоенное одиннадцати золотых медалей на международных конкурсах, и с обширной коллекцией вин (энотекой), где хранится около 16 тысяч бутылок середины XIX - начала XX веков. Самая старая – польская медовуха 1814 года, которая была заложена в коллекцию еще князем Александром, а самые старые бутылки грузинского вина датируются 1841 годом. Сегодня завод реконструирован с участием французской и швейцарской сторон в современное предприятие SHUMI – так, оказывается, называют здесь самое лучшее местное вино, которое подают к столу. Вино действительно бесподобное – в этом мы убедились в дегустационном зале, который находится прямо в подвалах дома-музея.

К сожалению, цинандальский дворец не сохранился в своем первоначальном виде. Летом 1854 года отряды Шамиля сожгли родовое имение и взяли в плен семью сына Александра Чавчавадзе - Давида. Согласно преданию, единственным выжившим свидетелем этого страшного события осталась дворовая девочка, спрятавшаяся в дупле многовекового дуба, который и поныне зеленеет в парке усадьбы. В 1946 году, в столетний юбилей со дня смерти грузинского поэта в Цинандали был открыт дом-музей Александра Чавчавадзе.

Нас встречала усадьба в современном, отреставрированном виде. Здесь хранится фортепиано, привезенное из России и подаренное поэтом своей юной супруге Нине, личные вещи семьи Чавчавадзе и Грибоедова, многочисленные рисунки и картины, мебель, посуда. Усадьбе так же, как ее бывшим владельцам, выпала нелегкая судьба. Были годы запустения и грабежей. В лихие времена жители Цинандали и окрестных сел прятали у себя в домах картины, мебель и личные вещи князей Чавчавадзе, и дом-музей опять возрождался, чтобы из поколения в поколение передавалась и хранилась благодарная память о лучших сынах Грузии и России. Сегодня дом-музей Александра Чавчавадзе возрождает традиции интеллектуального центра. Нам повезло – в дни наших экскурсий в Цинандали, во дворце князя Чавчавадзе была развернута экспозиция привезенных из Испании семи скульптур и одиннадцати литографий Сальвадора Дали. Союз «Русский клуб» подарил нам уникальную возможность встретиться с работами великого мастера из частных коллекций.

Мы уезжали переполненные незабываемыми впечатлениями и глубокой благодарностью к организаторам этого праздника души, который так добро и красиво устроило для нас руководство МКПС «Русский клуб».

Виктория ПОПОВА

ТАЛАНТ И ПРИЗВАНИЕ

Как жить, как работать, как творить в тяжелые времена, когда культура становится «массовой», искусство – «актуальным», а слово «мейнстрим» определяющим? Ответ очень прост. Работать так, как это делает Нуну Габуния – композитор, певица, педагог, народная артистка Грузии, кавалер ордена Чести, серебряной медали имени Александрова, единственная в Закавказье обладательница награды «За дружбу и сотрудничество». Дружить так, как дружит она - с Еленой Образцовой и Маквалой Касрашвили, Нани Брегвадзе и Тамарой Синявской... А дружить, как вы сами понимаете, за двоих нельзя, дружба может быть только на равных. Ее музыка звучит в Москве и Риме, Вене и Варшаве... Годы идут, меняются правительства и государственные устройства, падают поверженные кумиры и сотворяются очередные, рушатся прежние ценности и не возникают новые, а Нуну Габуния просто продолжает заниматься делом своей жизни, обучает музыкальному мастерству многочисленных учеников и пишет замечательную музыку – песни и романсы, балеты и мюзиклы, камерно-инструментальные сочинения и оперетты, музыку к театральным постановкам и кинофильмам...

- В прежние годы, перед разговором с вами, я не только бы побеседовала с вашими коллегами, но и пошла бы в библиотеку, чтобы подготовиться к беседе как полагается. А теперь, во многом, к нашим услугам интернет... Очень многие персоны, гораздо менее значимые по сравнению с вами, всю рекламу себя в сети. К моему изумлению и огорчению, о замечательном композиторе и прекрасной певице я не нашла почти никакой информации. Скажите, что этому причиной - ваша занятость, скромность или вы не тщеславны?

- Я сама никогда этим не занималась. Мне некогда, и я просто об этом не думаю. Правда, в Союзе композиторов есть отделение музинформа. Но им заведует, видимо, безграмотный и малознающий человек... У меня очень много произведений. Не считая песен и романсов, за последние годы я написала три мюзикла, и они ставились во многих городах Грузии, оперетту «Кинто», в основу либретто ее легла пьеса Акакия Церетели... По просьбе Гиги Лордкипанидзе, а он хорошо знает мои произведения и ставил в музыкальном театре мои мюзиклы, я написала музыку для постановки пьесы китайского драматурга. Думаю, по сей день соседи вспоминают те дни, когда я играла это дома. Это были произведения только для трех инструментов – ударные, флейта и гобой. И получилось интересно. Но ни одного слова об этом в журналах Союза композиторов не было написано... Ну, ничего, это не самое важное.

- А как сегодня живетесь музыкантам?

- Многие музыканты бедствуют. Я знаю прекрас-

ного музыковеда – не хочу называть фамилии – которая в течение многих лет не может в своей квартире включить даже лампочку, потому что не в состоянии платить за это. Буквально. Русудан Тохадзе, заслуженный деятель искусств, композитор, скончалась не только от того, что не могла купить себе лекарства, но и от того, что у нее не было денег даже на хлеб... Многие нуждаются и сейчас. Конечно, когда начали распродавать имущество, принадлежащее Союзу композиторов, я была против. И случился серьезный конфликт.

- *Чем, на ваш взгляд, объясняется это плачевное состояние? Все ли его ощущают одинаково или творческие люди в большей степени?*

- Все. Я думаю, что мы просто почему-то не смогли встать на ноги. Наше государство, как и любое другое, похоже на семью. Если в семье делами заправляют хорошая хозяйка или хозяин, они со всем управятся, что-то из чего-то сообразят и сделают так, чтоб семья не очень нуждалась. У некоторых людей много денег, они не знают, куда их деть, а живут хуже, чем люди с более скромным достатком, но которые лучше распоряжаются своими средствами. Так и у нас в государстве. Наша страна такая богатая, и нас так мало... А все как-то не складывается.

- *Не опускаются ли руки у деятелей искусства? Имеет ли смысл вообще заниматься творчеством и культурой в такие непростые времена?*

- Люди с призванием и талантом никогда не задаются такими вопросами. Они создают. И сегодня, и всегда. Но, к сожалению, вынести свои творения на суд публики не имеют возможности. Такое происходит и со мной. Я написала два балета, которые до сих пор не поставлены – первый по «Сказкам об Италии» Горького, второй – «Тадж-Махал». Хорошо, что я несколько номеров успела записать с симфоническим оркестром на радио. А вот в Свердловске поставили мою оперу «Импредарио с Канарских островов». Ею был открыт камерный музыкальный театр в Свердловске.

- *А вам пишется сегодня?*

- Конечно, пишется.

- *Из чего складывается ваша сегодняшняя профессиональная жизнь?*

- Во-первых, я выпускаю свои диски – это и песни, и романсы, и произведения для детей, и авторские диски, и совсем новые произведения... Мне помогает студия «Sano». И я очень благодарна, конечно, Бидзине Иванишвили, который так поддерживает людей культуры, творчества. Если бы не он, нам всем и мне лично было бы очень трудно. Я просто не смогла бы ни аранжировать, ни записать свои новые произведения. Я занята моей студией, где занимаются и дети, и взрослые. Эта студия была создана еще в 95-м году на радио и телевидении. Я уже была художественным руководителем Дома работников искусств в Тбилиси, заместителем председателя Союза композиторов Грузии, редактором, солисткой и генеральным директором всех музыкальных коллективов радио и телевидения Грузии – симфонического и эстрадного оркестров, уникального оркестра грузинских народных инструментов, хора... А потом пришло новое руководство, которому показалось, что надобности в этих коллективах нет. Ну что это такое? Приходит товарищ Огурцов и просит создать «большой, массовый квартет», как в

«Карнавальная ночь», помните? Серьезные вопросы решали люди, которые совершенно не разбирались в нашем деле и не понимали, что наши оркестры на своих плечах несли фонд – огромный «золотой фонд» записей радио и телевидения, который был и создан, и сохранен. Мы сохранили голоса Петре Амираншвили, Бату Кравеишвили, Медеи Амираншвили и многих, многих прекрасных исполнителей... Но когда все это было распушено, студию, своих учеников я не потеряла – дети хотели продолжать занятия. Вот так и пошло. И студия существует по сегодняшний день, и это важная часть моей жизни.

- *Как вы думаете, культура способна влиять на общественную жизнь?*

- На политику – нет, вряд ли. А на жизнь общества – конечно. Культура – это то, что необходимо каждому человеку. Особенно молодым. Как может сформироваться нормальная личность? Без культурного образования – никак. Но если люди сами не будут способствовать развитию культуры и нормализации культурных отношений, то ничего и не нормализуется. Почему мы должны были потерять тех, кто был нам ближе всех? Ну зачем нам нужна была эта война? У меня столько друзей в России, и наша дружба всегда была для нас счастьем... В позапрошлом году Маргарита Эскина, возглавлявшая Дом актера, недавно ушедшая от нас, хотела провести в ВТО мой творческий вечер... А потом – война... И я не смогла поехать в Россию. Зачем из-за каких-то политиков терять дружбу? Способствовать тому, чтобы отношения не рушились, можем только мы сами. Но посмотрите, что творится – здесь меня готовы разнести в пух и прах за то, что я написала много песен, которые звучат на русском

языке. А в Москве, где до сих пор лежит диск с моими песнями, к которым сделал прекрасные аранжировки Ираклий Ментешавили, – гробовое молчание. Как это может быть? Это очень горько. Я люблю свою

родину. Я люблю Россию, русский народ. Плохие политики – и наши, и российские - портят нам жизнь, и страдаем мы, а не политики. И я не боюсь говорить то, что чувствую всем своим сердцем. Я знаю одно – мне хочется мира. Я не хочу видеть на своей земле ни натовских, ни российских, ни грузинских войск. Мы – малюсенькая страна, у нас есть и прекрасная природа, и восхитительный климат, и земля, которая дает все необходимое для жизни. Нам необходимо беречь себя и друг друга. Я выросла в атмосфере настоящего Тбилиси, многонационального, дружелюбного, и в семье, где очень любили классическую музыку. Моя мама оставила учебу на медицинском факультете, когда появился после меня на свет и мой брат, но она так любила петь, что позднее поступила в музыкальное училище, чтобы заниматься вокалом. У отца был очень приятный баритон. Дома были патефон и прекрасные пластинки с оперной музыкой. Я жила рядом с оперным театром – на проспекте Руставели, 23. У нас была соседка – девочка-гречанка с библейским именем Рахиль. Ее мать работала уборщицей в опере. И у нас была возможность постоянно находиться в театре, что мы и делали. Так что я - как подруга дочери уборщицы - с трех лет свободное время проводила в Опере. Я знала все партии из всех опер. А самой любимой из них была «Аида», я даже хоровые партии напевала дома, не говоря уже о партиях Родомеса и Аиды. И естественно, что я пошла учиться в музыкальную школу, затем поступила в музыкальное училище на класс фортепиано, где мне добавили и композиторский класс. Моим учителем был Шалва Мшвелдзе – гигант грузинской музыки. По окончании училища я поступила в консерваторию. Помню, когда я подавала документы, в очереди абитуриентов передо

приняли, а я получила высшие оценки и стала студенткой консерватории. К себе в класс меня взял ректор консерватории Иона Туския, но вскоре он скончался, и я продолжила учебу у Александра Шаверзашвили. Очень много мне дал Реваз Габичвадзе, который учил нас чтению партитуры. Это не просто чтение – надо было понимать, как распределять партии для разных инструментов и делать это самостоятельно.

- Вы учились с удовольствием? Не приходилось пересиливать себя?

- В десять лет я занималась с одним педагогом... У нее на рояле лежала линейка, которой она била по пальцам при малейшей ошибке...

- Не понимаю, таким способом прививают любовь к музыке или отучают от музыки навсегда?

- Я плакала и не хотела заниматься. Дома я играла прекрасно, но стояло мне прийти на урок – ноты так и прыгали передо мной. И преподавательница объявила моей маме, что из меня толку не выйдет. Хорошо, что мама попросила, чтобы меня перевели к другому педагогу. И там я училась с наслаждением.

- А вы сами какой педагог? Строгий?

- Нет, совсем нет. Я слишком хорошо все помню. Вы не представляете, откуда только не приезжают ко мне учиться. У меня есть, например, чудная ученица из Харагаульского района. Чтобы добраться ко мне на урок, ей надо пройти пять километров от своего села до станции, успеть на поезд в шесть утра, который, как трамвай, останавливается на каждом полустанке, и в двенадцать приехать в Тбилиси...

- Как складывалась ваша судьба после консерватории?

- Мои песни, которые я написала еще учась в училище, уже пели – джазовый оркестр политехнического института, например, и эти песни были популярны. У меня два консерваторских образования – композиция и вокал. Я начала профессионально обучаться и вокалу, хотя после окончания композиторского класса меня слушали и Вера Давыдова, и Нодар Андгуладзе, и Андгуладзе сказал, что вокалу мне учиться не надо, я могу хоть завтра петь на оперной сцене. У меня от природы поставленный голос. В оперной студии мне давали петь партии и сопрано, и меццо-сопрано, и колоратурные, я их очень быстро учила и у меня широкий диапазон – от «до» третьей октавы до «соль» малой октавы. Первокурсницей я стала работать в детской редакции Грузинского радио и телевидения музыкальным редактором, и проработала там много лет, и этому было отдано много душевных сил, да и физических тоже. Мне так нравилась эта работа. Мои передачи до сих пор хранятся в «золотом фонде» радио и телевидения. А после консерватории была Москва. Меня направили на стажировку в театр имени Станиславского и Немировича-Данченко.

По трагической случайности, главный режиссер театра, с которым у нас была назначена встреча, погиб за два дня до этого. И вот я, расстроенная и растерянная, сижу дома у дорогой моему сердцу Маквалы Касрашвили, моей подруги, с которой мы вместе учились у Веры Давыдовой, и к ней зашла соседка – главный концертмейстер Большого театра Лилия Могилевская. Она-то и предложила мне стажироваться

После концерта

мною стоял мужчина (в юном возрасте всех молодых людей воспринимаешь как очень взрослых людей) с огромной папкой в руках. Он насмешливо спросил: «Что, и вы на композиторский?» Я ответила: «Да». «Ну, посмотрим, кто из нас поступит. А кстати, есть ли у вас музыка для духового оркестра?» Я испугалась и расстроилась – у меня ничего не было для духового оркестра, а я подумала, что это обязательно. Но как раз этого мужчину я больше и не встретила – его не

в Большом. Вот так случайно все и произошло. Год я стажировалась, какое-то время жила в Столешниковом переулке, в гостинице «Армения». А потом Лиля предложила жить у нее, и мы там и занимались, и просто общались... Как-то у Лили Могилевской был творческий вечер. Она попросила, чтобы и я приняла участие в этом вечере вместе со звездами Большого театра. Мы с Игорем Морозовым исполнили сцену из «Похищения луны» Отара Тактакишвили, а эта опера уже была готова к постановке в Большом, и ко мне подошел Борис Покровский, который был тогда главным режиссером Большого театра, и сказал: «Не знаю, вы ли так прекрасно поете или это так прекрасно звучит по-грузински, но я приглашаю вас спеть один из премьерных спектаклей на сцене Большого – партию Тамар». А Александр Эскин предложил мне творческий вечер в ВТО. Понимаете, какие прекрасные подарки я получила? На банкете после вечера ко мне со словами благодарности подошла супруга Покровского, певица Ирина Масленникова, человек легендарно жесткий. И в нарушение всех правил застолья первый тост был поднят за меня. Тамадой был Валентин Гафт. Как же я была растрогана... И я спела на сцене Большого Тамар в «Похищении луны» и Татьяну в «Евгении Онегине».

- Вам много дала Москва?

- Очень. И в профессиональном плане, и в человеческом. Я много пела, выступала и на радио, и на телевидении. Обо мне сделали специальную передачу на центральном канале Всесоюзного телевидения. Ко мне очень хорошо относилась Ирина Архипова, светлая ей память. Я подружилась с Еленой Образцовой, Тамарой Синявской... Когда проходили юбилейные вечера Муслима Магомаева в Баку, мы с Нани Брегвадзе были приглашены, и Нани спела мой романс. Было приятно встретиться с Тамарой после долгих лет разлуки. А с Леной мы общаемся постоянно. Как-то она мне сказала: «У меня есть близкие друзья, но только у тебя я чувствую себя как дома». Я горжусь, что благодаря мне был создан детский ансамбль «Мзиури». Тогда, если вы помните, нигде не было детских ансамблей, и я подумала, почему не создать коллектив, в котором бы дети сами играли и пели? И я собрала таких детей. Не все в редакции отнеслись к этому с пониманием и интересом. Были и такие, кто не понимал, ну кому нужен этот детский ансамбль? Четыре месяца с талантливыми ребятами занимались Костя Юшков из «Рэро», который делал прекрасные оркестровки, и Рафик Казарян, ударник – его дети просто обожали. Они работали за какую-то символическую зарплату... Но потом редактор перестала выписывать им и ее... «Мзиури» перешел во Дворец пионеров, где его приняли с распростетыми объятиями, а радио и телевидение потеряли этот уникальный ансамбль. Впоследствии «Мзиури» поехал в Москву, и Майя Джабуа спела мою песню «Легенда о Тбилиси». Спела так замечательно, что этот ролик показывают до сих пор. Он мне принес всесоюзную известность. Немедленно пошли письма, мешками, кто же композитор этой песни? Вот тогда обо мне и сделали передачу на центральном телевидении. Три моих песни попали в «Песню года», и были названы лучшими... Среди них – «Береза» на стихи Есенина, которую я спела сама и очень этим обидела Людмилу Зыкину, которая хотела первой спеть эту песню...

- А кто еще исполняет ваши песни?

- Я часто приглашаю петь мои песни и романсы молодых исполнителей. Елена Образцова поет мою «Аве, Мария», и Маквала Касрашвили поет. Я написала эту вещь давно, но почему-то в прошлом году ее стали петь особенно часто – в Вене, где ее спела Этери Чкония, а дирижер сам аранжировал это произведение... И в Риме. Я счастлива, что в Римском соборе мою «Аве, Мария» слушал Эннио Морриконе, которого я обожаю, и после исполнения он попросил исполнить ее снова, и сказал, что слышал много «Аве, Мария», но эту он слышит впервые и он в восторге. Хормейстер разыскала мой телефон и специально позвонила мне, чтобы рассказать эту историю... А несколько лет назад был совершенно другой случай, о котором рассказал брат Кахи Кавсадзе, Имери, который уже давно живет и работает в Польше, замечательно поет в Краковском оперном театре. Какой-то певец исполнял мою песню. Имери подошел к исполнителю и спросил: «А вы знаете, чья это песня?» Певец ответил: «Конечно, знаю. Автор – француз, которого зовут Нуну Габуния».

- А с кем из исполнителей вам было интереснее всего работать?

- Конечно, с Маквалой Касрашвили. Очень интересен Ладо Атанели. К своему концерту в Тбилиси он попросил у меня партитуру моей песни, которая ему очень нравится – это романс, его пел баритон Зураб Цискаридзе. Откуда Атанели узнал об этом произведении, я до сих пор не знаю. Но дело было так. Как-то звонит мне моя подруга Лия Сехниашвили и говорит, что мой романс для своего диска записал Атанели и без предупреждения передает ему трубку. В телефоне раздалось пение. Я думала, что слышу запись. Слушаю и удивляюсь – где же аккомпанемент, где скрипки и виолончель? Но оказалось, что Лия, Зураб Соткилава с женой Элисо, Ладо в этот момент зашли позавтракать в какой-то ресторанчик по дороге из Тбилиси в Батуми, позвонили мне, и в трубке звучала не запись, а пел сам Ладо... Надо сказать, что он великолепный певец. У него прекрасный баритон и очень красивый тембр. Вообще, последние годы были для меня очень счастливыми.

- Пошла новая волна? Может быть, и балеты, например, скоро будут поставлены?

- Не думаю. Мэрия предложила организовать мой авторский вечер и открыть «звезду». Концерт для меня очень важен, а звездные плитки совершенно не волнуют. Но сейчас, видимо, из экономии, они хотят сделать совместный концерт трем женщинам-композиторам – Нуну Дугашвили, Марике Квалиашвили и мне. Каждой из нас предлагается на выступление по сорок минут. Ну что можно показать за это время? Это очень мало.

- Давайте поговорим о романсе, ведь в вашем творчестве он занимает значительное место. Все признают, что русский романс грузины исполняют с особенной проникновенностью...

- Романсы прекрасно пела Медея Дзидзигури. И, что очень важно, она хорошо знала русский язык. Это необходимо для того, чтобы исполнять романс. И Медея великолепно чувствовала и передавала звучание каждого слова... Нани Брегвадзе – человек исключительной музыкальности, и она может спеть так, что любой слушатель будет покорен, заворожен. А во

времена Тамары Церетели не было ни микрофонов, ни усилителей, и она пела романсы грудным звуком, и это чрезвычайно впечатляло. Можно привести в пример Образцову - когда она берет грудным звуком низкие ноты, то ошеломлены и зрители, и профессионалы. Но верхний регистр она поет, как оперная певица. Так пела Церетели. Мне нравится, как поет Валентина Пономарева, потому что это осмысленно. Хотя важно понимать, что есть классический романс и бытовой. Классический – это Глинка, Чайковский...

- А «Ямщик, не гони лошадей», например?

- Бытовой. Но, вы знаете, это уже само по себе классика. Мы с Нанули Абесадзе записали пластинку старинных русских романсов. И «Ямщика...», кстати, тоже поем. Между прочим, очень многим русским романсам научил меня Михаил Чиаурели, дядя Миша. Как-то мне предложили написать музыку к мультипликационному фильму, я пришла на киностудию и там я с ним и познакомились. У него в кабинете был очень приличный инструмент, и когда я заходила к нему, то мы устраивали такие небольшие посиделки – он пел, и пел прекрасно, у него была изумительная память и на оперные партии и, особенно, на русские романсы. И каждый раз для меня он мне готовил листы с расчерченным нотным станом. Сам чертил... Он напевал, я записывала ноты, а потом он диктовал тексты. У меня до сих пор сохранены эти записи – тридцать пять романсов, напетых мне дядей Мишей Чиаурели. И по

С Еленой Образцовой

С юными исполнителями

сегодняшний день я настолько люблю русский романс, что пишу их сама.

- А как выбираете стихи?

- Я пишу музыку. Стихи подбираются потом.

- Как вы относитесь к идее «Русского клуба» провести вечер, посвященный юбилею Тамары Церетели, где замечательные певцы и артисты будут петь ее романсы?

- Это прекрасно, великолепно и просто необходимо. Исполнение русского романса – это наслаждение для зрителей и очень большая школа для певцов. В романсе столько нюансов... Его невозможно спеть, если

ты его не понял. Романсы могут петь далеко не все. И молодые певцы должны понимать, что это совершенно другой жанр. Голос в этом деле не главное. Голоса есть у многих, но если нет какого-то особенного чутья, исполнение романса не получается. Необходимо нутро, душа... Грузины, например, вообще очень поющие люди - и со слухом, и с голосом, и с артистизмом, но все-таки даже не всякий грузин может спеть романс. Повторю, нужно знать русский язык, чтобы понять и передать всю глубину и тонкость романса. И, конечно, необходимым тембр. Классический романс исполняется поставленным голосом, а в бытовом русском романсе голос не важен.

- Значит, мы вновь возвращаемся к смыслу. Так это и есть главное в романсе?

- Конечно. В классическом романсе главное – это звук, в бытовом – слово. Это два разных жанра, и в них надо работать по-разному. Как-то в гостях у Маквалы Касрашвили были я и Алла Демидова. И Маквала спела романс. А голос у нее красивейший, удивительный, но Алла сказала: «Маквала, дорогая, я не воспринимаю, когда романсы поют так...».

- Алла Сергеевна вообще отличается и откровенностью, и резкостью суждений. Не обидно было?

- Конечно, Маквале было обидно. А потом что-то запела я – совершенно без голоса, да и простужена была... Демидова говорит: «Как мне нравится...» Маквала удивилась. Не в том было дело, что я спела лучше. Нет. Просто я спела другим звуком.

- Вы много ездили по миру. Расскажите об этом. Например, что вы делали в Голливуде?

- Я там была как национал-директор – так американцы определяют этот вид деятельности. Я отвечаю за регион Закавказья, и каждый год могу рекомендовать талантливых участников для американского конкурса, который называется «Олимпиада искусств». В этой олимпиаде могут принять участие творческие люди от 5 до 100 лет. Я, например, представила на конкурс братьев Гулашвили, и они спели три произведения, и получили две золотые награды и одну серебряную. В Америке живет моя крестница, очень талантливая девочка. На этом конкурсе она получила Гран-при.

- А какая страна вам понравилась больше всех?

- Я всегда ездила только по профессиональным интересам – это были фестивали, Дни культуры... И хотя я исколесила весь Советский Союз и вообще повидала мир, конечно, меня покорила Франция, Париж. Вернувшись домой, я не могла заснуть без карты Парижа в руках. Я бредила этим городом... Замечательные воспоминания связаны с Испанией, где на музыкальном фестивале мы познакомились с Монсеррат Кабалье, между нами возникла симпатия - и профессиональная, и личная. Кстати, вы сами понимаете, как ее осаждают и корреспонденты, и поклонники. Так вот, по-русски она знает только три слова: «Очень хорошо. До свидания».

- Самые необходимые слова! А по какому пути пошли ваши наследницы?

- Одна внучка - режиссер телевидения. Вторая – журналист. Но она окончила и музыкальное училище, поет, выпустила свой диск. Не знаю, какое главное дело в ее жизни. Она выходит замуж. Поживем – увидим, что будет...

- Наши поздравления! Счастья вашей семье!

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Я НЕ БЫЛ ПОСЛУШНЫМ УЧЕНИКОМ

Юрий Мечитов. Фото Гога Чанадири

МЫ БУКВАЛЬНО ЛЕТИМ ПО КОРИДОРАМ ВТОРОГО КОРПУСА ТБИЛИССКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТЕАТРА И КИНО ИМ.Ш.РУСТАВЕЛИ. ТОРОПИМСЯ. Я – НА ИНТЕРВЬЮ К НЕМУ, ОН – НА УРОК К УЧЕНИКАМ. КАК ВЫЯСНИЛОСЬ, В ЭТОМ ЖЕ ЗДАНИИ КОГДА-ТО РАСПОЛАГАЛАСЬ 32 МУЖСКАЯ ШКОЛА, В КОТОРОЙ УЧИЛСЯ МАЛЕНЬКИЙ МЕЧИТОВ. СЕГОДНЯ МЭТР МЕЧИТОВ ЗДЕСЬ ПРЕПОДАЕТ.

ЮРА, ПОДОБНО ПАРАДЖАНОВУ НА СВОЕЙ ЕДВА ЛИ НЕ САМОЙ ИЗВЕСТНОЙ ФОТОГРАФИИ, ПОДПРЫГИВАЯ И ДЕЛАЯ ТЕАТРАЛЬНЫЕ ЖЕСТЫ, МЧИТСЯ В АУДИТОРИЮ. Я С УЖАСОМ СМОТРУ НА КРУТУЮ ВИНТОВУЮ ЛЕСТНИЦУ, ПРЕОДОЛЕВ КОТОРУЮ, ДОБИРАЕМСЯ ДО АУДИТОРИИ, НА ПОВЕРКУ ОКАЗАВШУЮСЯ ЧЕМ-ТО СРЕДНИМ МЕЖДУ КОМПЬЮТЕРНЫМ КЛАССОМ И ФОТОСТУДИЕЙ. У КОМПЬЮТЕРА ТОЛПЯТСЯ СТУДЕНТЫ, А В УГЛУ СТУДИИ СТОИТ СТОЛ, ЧЕРНЫЕ КУБЫ, ЗАМЕНЯЮЩИЕ СТУЛЬЯ И СТИЛЬНАЯ ЗЕЛЕНАЯ СТЕКЛЯННАЯ БУТЫЛКА С ВОТКНУТОЙ В НЕЕ ПОЛУУВЯДШЕЙ ВЕТКОЙ ВИШНИ.

С ГОДАМИ В НЕМ ПОЯВИЛОСЬ НЕЧТО ПАРАДЖАНОВСКОЕ. А ЕЩЕ – ЕСТЬ В ПРИЩУРЕННОМ МЕЧИТОВСКОМ ВЗГЛЯДЕ ЧТО-ТО ОТ ТБИЛИССКОГО ВЕСЕЛЬЧАКА И ПЛУТА КИНТО.

ТБИЛИСИ БЕЗ МЕЧИТОВА, ЧТО МЕЧИТОВ БЕЗ ТБИЛИСИ. ЕСТЬ ТАКИЕ НЕВИДИМЫЕ СВЯЗИ – ЧЕЛОВЕК-МЕСТО. ПО ЕГО СЛОВАМ, ЭТО ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ИГРАЕТ ГЛАВНУЮ РОЛЬ В ЕГО ЖИЗНИ. ОН, ТАКЖЕ КАК И ПАРАДЖАНОВ – АБСОЛЮТ-

НЫЙ ПРОДУКТ ТБИЛИССКОЙ КУЛЬТУРЫ.

ВЕДЬ ТОЛЬКО В ЭТОМ ГОРОДЕ ЧЕЛОВЕК, ОКОНЧИВШИЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ ВУЗ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТЕХНОЛОГИИ И КОМПЛЕКСНАЯ МЕХАНИЗАЦИЯ ПОДЗЕМНЫХ РАЗРАБОТОК МЕСТОРОЖДЕНИЯ ПОЛЕЗНЫХ ИСКОПАЕМЫХ» МЕЧТАЕТ СНИМАТЬ КИНО, А СТАНОВИТСЯ ЕГО ФОТОЛЕТОПИСЦЕМ.

СВОЕ 60-ЛЕТИЕ ФОТОГРАФ ОТМЕТИЛ ГРАНДИОЗНОЙ ВЫСТАВКОЙ, НА КОТОРОЙ ПРЕДСТАВЛЕНО НЕСКОЛЬКО СОТЕН ФОТОГРАФИЙ, СДЕЛАННЫХ ИМ С 1979 ПО 2009 ГОДЫ. ОТ МАСШТАБНОСТИ ДУХ ЗАХВАТЫВАЕТ, ОТ ИЗОБРАЖЕННОЙ НА ФОТОГРАФИЯХ ЖИЗНИ ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ, ОТ ОСОЗНАНИЯ ПРИЧАСТНОСТИ ХОЧЕТСЯ ПЛАКАТЬ ЕЩЕ БОЛЬШЕ. ДА И НАЗВАНИЕ У ВЫСТАВКИ СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ – «ПЕЧАЛЬНЫЕ МГНОВЕНИЯ ПРОШЛЫХ ЛЕТ».

ЕСЛИ ЖЕ ГОВОРИТЬ О ЕЕ УСПЕХЕ, ТО, ПО МНЕНИЮ МНОГИХ БЫВАЛЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ФОТОЭЛИТЫ, ТАКОГО ТБИЛИСИ НЕ ПОМНИТ. КАК РЕЗУЛЬТАТ, ГОСТИ КОНСТАТИРОВАЛИ: ЮРИЙ МЕЧИТОВ ОДИН ДЕЛАЕТ ТОЛЬКО, СКОЛЬКО ДОЛЖНО БЫЛО ДЕЛАТЬ ЦЕЛОЕ ПОКОЛЕНИЕ ФОТОГРАФОВ НА ПРОТЯЖЕНИИ ОЧЕНЬ БОЛЬШОГО ПЕРИОДА, А ТАКЖЕ ТО, ЧТО ФОТОГРАФИЯ В ГРУЗИИ СЕГОДНЯ ПОПУЛЯРНА – ЭТО ВСЕЦЕЛО ЕГО ЗАСЛУГА. ВЕДЬ АРМИЯ УЧЕНИКОВ, ВЫШЕДШИХ ИЗ МЕЧИТОВСКОЙ ШИНЕЛИ, А ТОЧНЕЕ, ОБЪЕКТИВА, ПРЕДСТАВЛЯЕТ КОСТЯК СОВРЕМЕННОЙ ГРУЗИНСКОЙ ФОТОГРАФИИ.

ТБИЛИСИ

- Как думаете, если бы вы родились не в Тбилиси, то были бы другим человеком?

- Безусловно. Взять того же Сергея. Параджанов – абсолютный продукт тбилисской культуры.

- Уникальной культуры Тбилиси ...

- Да, Тбилиси – это феномен, эта культура выделяется из общегрузинской. Так же как и венецианская или неаполитанская культуры. Да, они итальянские, но это другое. Так же было в Сухуми. Но там произошла катастрофа. У сухумцев есть такая грустная поговорка - «Сухуми был городом без фраеров, а теперь мы стали фраерами без города». Вот я боюсь, что мы в Тбилиси тоже можем оказаться фраерами без города.

- Город есть, но уже не совсем ваш, правда?

- Правда. Я хочу написать прозу о Тбилиси, о жизни, о Грузии. Каждый день материал приходит, надо заиметь блокнотик и записывать. Вчера меня встречает человек, уже не помню кто. Говорит: «Юра, как я рад тебя видеть. Потому что ты напоминаешь о том городе, который был». Эта проза будет в жанре трагикомедии, с упором на трагедию.

- Тбилиси – это традиции. Каковы они в вашей семье?

- Нашу семью, как миллионы других, коснулось черное крыло Великой Отечественной войны. Я родился 10 мая 1950 года, ровно через пять лет и один день после Победы. У меня был дядя, которого я никогда не видел. В 1939 году он на войну ушел и погиб, никто не знает где. И я рос в семье, где бабушка все время плакала о своем Степе, и мой отец всегда поднимал бокал за него, и за всех, кто не вернулся с той страшной войны. Папа его очень любил, рассказывал, что Степа был директором «Люкса», был такой магазин на проспекте Руставели. Хороший человек. Сейчас, когда отца нет, его портрет не висит у нас в доме, и мне очень обидно. Когда у нас собираются столы и есть за что выпить, я вспоминаю завет отца. Но когда я уйду, кто его будет вспоминать?

ПАРАДЖАНОВ

- Много лет вашей жизни тесно связаны с великим тбилисцем Сергеем Параджановым.

- Когда я познакомился с Параджановым, мне было 28 лет. Я снял 12-минутный фильм о его школьной учительнице, Нине Иосифовне. Он ему понравился.

- Скажите честно, вы книгу о Параджанове сделали, потому что ее нельзя было не сделать, или почему-то еще?

- Эта книга давно собиралась быть, но она не должна была выйти в виде книги. В 1991 году, через год после смерти Сергея, была сделана попытка издать альбом, но безуспешно. После этой неудачной попытки вышла хорошая книга Василия Катаняна, где было много текста, и она называлась «Параджанов. Цена вечного праздника». Она напечатана в Югославии с достаточным количеством фотографий. Были использованы и мои. И мне резанула слух фраза «были использованы фотографии Юрия Мечитова», мне это не нравится. Идея сделать книгу самому продолжала существовать, но стала реализовываться только в 2002-2003 годах. Тогда я уже серьезно решил – надо что-то делать. Но я ориентировался на альбом, потому что был далек от текста. Не литераторствовал в то время. В 2004 году на 80-летию со дня рождения Сергея Параджанова, я рассказал о создании книги Левону Григоряну, режис-

серу, работавшему с Сергеем на «Саят-Нове». А он мне посоветовал: «А ты напиши о себе и Параджанове и назови «Хроника диалога».

-Что вы и сделали.

- Знаете, название, оно дает потом камертон всей книге. Эта именно хроника диалога, и здесь я использовал противоречие. Правильнее было бы назвать: «Сергей

Юрий Мечитов. Сергей Параджанов

Параджанов и Юрий Мечитов. Хроника диалога», получился бы диалог между нами двоими. Но я решил оставить Сергея наедине с самим собой. А в последний момент поменял название «фотографии Юрия Мечитова» на «фотоистории Юрия Мечитова».

-Что, в принципе, больше соответствует истине.

- Да. Это сначала фото, а потом уже истории. Книга, на самом деле, о своих, о нашей жизни. Я начинал как ученик, а потом в мастера залез. Кстати, это становилось причиной наших конфликтов. Сергей хотел иметь беспрекословного ученика, а тут вырастал человек, имеющий собственный взгляд на мир, на определенные вещи. Иногда я даже бравировал, когда Параджанов был в чем-то со мной не согласен. Некоторые из таких историй описаны в книге.

- Расскажите, пожалуйста, о вашей поездке в Лондон,

на фестиваль работ Сергея Параджанова.

- Это замечательный проект. У британцев появилась возможность заново открыть для себя творчество Параджанова. Зрители могли посмотреть не только лучшие фильмы мастера, но и мои фотографии. Там же прошла презентация моей книги. Организатором фестиваля стала киновед Лейла Александер-Гаррет, работавшая ассистентом у Андрея Тарковского, с которым Параджанова связывала тесная дружба. Она же - автор замечательной книги о Тарковском «СобираТЕЛЬ снов», которую она мне прислала с дарственной надписью. Надо сказать, книга меня потрясла, насколько там точно рассказано о тяжелой жизни талантливейшего человека, его проблемах. Я понял, что каждый талантливый человек должен носить какой-то крест. Для Тарковского это была его жена.

- А для Параджанова что было таким крестом?

- Для Параджанова крестом был его талант, его безумное чувство красоты, которую он хотел создать везде. Ему все было можно.

- Как вы думаете, почему в его чудачествах так много смысла?

- А он был глубокий человек. Его чудачества были чудачествами глубокого человека. Это как джокер, шут при дворе короля. В этом есть своя прелесть. Во-первых, шут позволяет себе много того, что не позволено другим людям. Остальным голову рубят, а он продолжает острить.

- Вы рассказывали как-то об одном мудром совете от Параджанова.

- Он сказал мне однажды: «Хочешь стать великим – снимай великих. Снимай меня, и ты далеко пойдешь». И я напутствовал сегодняшних студентов: «Хотите стать великими – снимайте великих». И добавляю: «Можете начать с меня».

ЮБИЛЕЙ

- Как ощущаете себя после юбилея?

- Я чувствовал колоссальную обязанность сделать эту выставку. Вообще, я сам хочу разобраться, чем же я всю жизнь занимался. Могу сказать, что я снял несколько фотографий. В глобально-фотографическом смысле слова. Даже очень большие фотографии вошли в историю тем, что сделали три-четыре фотографии. Есть, например, такие как Анри Картье-Брессон, который сразу создал 50 фотографий, но это 50 знаковых фотографий. Я люблю фотографию за документальный жанр. Документ как жанр, портрет как документ. Портрет, как время в нем запечатленное, потому что портрет, снятый в 1998 году, и в 2009 – разные. Люди по-разному смотрят в кадр.

- Вы снимали ню. Как думаете, все-таки женщина, это венец творения?

- Человек - это венец творения. Но я считаю, что у Бога этот проект провалился. Один журнал заказал мне как-то эссе для своей рубрики «Страница рассерженного человека». Я думал, на кого бы мне рассердиться? И написал письмо Богу, разъяренное, в полторы страницы, на грузинском языке. Это эссе переведено на французский язык, и на русском есть. Я обвинил Бога во всех смертных грехах. Я не говорю о высотах, но те низины, в которые порой проваливается человек, ни одному зверю не снились. Бог, он вообще странно себя ведет.

- Фотография в эти годы - самое главное, что было в

вашей жизни?

- Не хочу фетишизировать. Спутница моей жизни сказала мне однажды: «Юра, когда мы познакомились, ты говорил, что фотография - главное в твоей жизни». А я ответил - для меня не фотография главное, а жизнь. А фотография - возможность выразить себя. Кроме всего прочего, благодаря ей я стал экономически состоятелен.

- В чем принципиальное различие художественной фотографии от репортерской?

- Художественная фотография не имеет ценности, если она не включает в себя элемента документалистики. Она не имеет смысла. Как отмечает Ролан Барт, «если документ в искусстве, и искусство в документе – это сильная фотография». Остальное треш.

- Искусство закончилось?

- Искусство заканчивается тогда, когда человек, называющий себя художником, понимает, что он ничего изменить не может. Настоящий художник безумно уверен, что он меняет мир, а для этого ему нужно жить в глобальных параметрах. Искусство ходит по кромке, вызывает раздражение и не может быть приемлемым для всех.

- Вы давно преподаете?

- С 1989 года. Мне нравится преподавать. Приятно, когда кто-то прибегает с восторгами. Я чувствую, что мы все бильярдные шары, и соприкасаясь друг с другом, мы меняем нашу жизнь. Иногда можно пожать кому-то руку, и этим изменить чью-то жизнь. То есть ты живешь, когда понимаешь, что ты неслучаен и твое бытие важно. Ты пытаешься вытащить себя и окружающих из состояния остекленения. Мы ничего не сможем собрать, если сначала не разрушим на кусочки. Разрушим смехом. Когда ты проникаешься в этом мире, и становишься не пользователем, а участником, то происходит обмен огромными энергиями, огромными знаниями.

- После юбилея будете отдыхать?

- Покой нам только снится. Хочу сделать книгу портрета. В нее войдут узнаваемые люди, например, Марчелло Мастоияни, Софиико Чиаурели и многие другие, и обязательно с моими воспоминаниями.

- А когда балом стала править цифровая камера, долго адаптировались?

- Возникли психологические проблемы в переходной период, когда пленка умирала. С моей первой цифровой камерой я проработал четыре года. Она снимала замедленно, и эта задержка создала новую технологическую возможность. Щелканье кнопкой не приводит к профессионализму, опора на то, что ты много снимешь, неправильная. У фотографа всегда должен оставаться пиетет перед снимком.

ВЫСТАВКА

- Скажите, почему вы назвали выставку «Печальные моменты прошлых лет»?

- Печаль – одна из особенностей человеческого существования. Мы живем, мы взрослеем. Раньше мы могли быстро перебежать, перепрыгнуть через что-то, а сейчас не можем. У нас были друзья, а теперь некоторые из них ушли в мир иной. Родители уходят. Эта жизнь приобретает печальный характер. Очень трудно быть все время веселым, если у тебя печали. Поэтому мы придумали такой жанр, как трагикомедия, где девяносто процентов трагедии и десять процентов комедии. Но за счет врожденного артистизма мы делаем так, что

его у нас девяносто процентов, а трагедии – десять.
 - Именно поэтому все фотографии, представленные здесь, черно-белые?
 - Разумеется. Они не могли быть цветными. Я хочу призвать зрителя оглянуться назад, на прошедшие 30 лет нашей жизни, какими они были, какие уроки мы вынесли. Представьте, 90-е годы. Стоят желтые автобусы, как бы разделяя дорогу, по обе стороны которой – грузины. А ты ходишь между ними и снимаешь. И от туда кричат – Грузия, Грузия, и отсюда кричат – Грузия, Грузия. Тяжко.

НЕ МГНОВЕНИЯ, НО ВЕЧНОСТЬ

И напоследок ...

«Фотограф – заложник создаваемых им образов.

Он обречен на нерасставание с прошлым, которое у него собрано в негативах, в позитивах, а сейчас уже и в цифровых файлах. И эти образы прошлого имеют особенную власть над фотографом. Часто они вызывают к нему в приступе эксгибиционизма, страстно желая быть выставленными, опубликованными, собранными над одной обложкой.

Для меня ценность фотографии – в ее молчании. Созданная зачастую в дикой суете, она, ничего общего с ней не имеет. Вопреки распространенному мнению, фотография фиксирует не мгновение, но вечность, подчеркнутую геометрией прямоугольника. Удивительно, как будто снимается мгновение, а фиксируется вечность.

И тогда в силу многих причин рождается фотография...

Фотография - образ.

Фотография – портрет.

Фотография – повествование ...

И она никуда не торопится, никуда не спешит, не навязывает свой ритм, а позволяет остановиться, задумать, познать самого себя.

Эти фотографии – скромный итог моего самопознания. Они населены людьми и образами, окружившими меня в конце XX века.

Все фотографии сняты на моей родине – в Грузии, во многом необычной стране, отличной от стран как Востока, так и Запада. Я не устаю удивляться людям, живущим здесь, как, впрочем, не перестаю удивляться самому себе.

Все эти фото, наверное, немного печальные. Когда фотографируешь, то познаешь, а во многом знании – много печали...

Юрий Мечитов
 2006, Тбилиси».

Юрий Мечитов и его фотографии

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

СУДЬБА ХУДОЖНИКА

В доме-музее народного художника Грузии Елены Ахвледиани состоялась презентация книги «Василий Шухаев. Жизнь и творчество», выпущенной в 2010 году издательством «Галарт» (Москва) при поддержке ROVENSCOURT GALLERIES. Составитель и автор вступительной статьи книги - кандидат искусствоведения, сотрудник Национального музея искусств Грузии Нонна Элизбарашвили, научный редактор - доктор искусствоведения, ведущий сотрудник Государственного Русского музея Елена Яковлева.

В связи с изданием книги в России первые презентации были проведены Е.Яковлевой в Москве, в музее-мастерской С.Коненкова, а затем в С.-Петербурге. Презентации в России вызвали большой интерес художественной интеллигенции, освещались в печати и получили много положительных откликов. Среди присутствующих на презентациях были ведущие специалисты музеев, художественных галерей, архивов, коллекционеры и любители искусства. Как было отмечено в прессе «книга явилась долгожданным подарком для всех, кого интересует искусство художника...»

Выбор дома-музея Е.Ахвледиани для проведения презентации не случаен. Именно у ней после магадан-

ских лагерей нашли приют Василий Иванович и Вера Федоровна. Директор дома-музея Тамила Тевдорадзе представила Нонну Элизбарашвили, автора книги о Шухаеве.

У этой книги такая же трудная судьба, как и у самого художника, которому она посвящена. Это издание должно было выйти в 1991 году в издательстве «Советский художник». Книга была готова, была произведена фотосъемка с работ художника, находившихся на юбилейной выставке «Александр Яковлев и Василий Шухаев», проходившей в 1988-1989 гг. и посвященной 100-летию со дня рождения обоих мастеров, был готов макет, но в силу известных исторических событий издание не состоялось.

В конце 1990-х годов хлопоты по изданию книги взяла на себя Марина Овандер, родственница Веры Федоровны Шухаевой. Ее настойчивость, поиск спонсоров, ее выступления, письменные и устные, на различных конференциях, в журналах не давали забыть о художнике. Самая идея книги, в которой художник сам рассказывал бы о своем творческом пути, о встречах с известными людьми эпохи, ставшими моделями его портретов, об отношении к творчеству современников, была высказана В.Шухаевой

Нонна Элизбарашвили

Презентация книги в Москве

еще при жизни художника. До последнего вздоха она собирала, систематизировала его архив, писала воспоминания и, как она говорила, комментарии к некоторым картинам. Передавая все материалы в сектор рукописей Государственного Русского музея (Петербург), где уже хранилось собрание документов, связанных с жизнью и творчеством Александра Яковлева и Василия Шухаева. В.Шухаева в завещательном письме своей наследнице, правда, сюда больше подходит слово «душеприказчице», Елене Хучуа, высказала пожелание, чтобы эти материалы были бы опубликованы. С этой целью она предусмотрительно оставила машинописные рукописи всех материалов. С разрешения нынешней владелицы стало возможным составить текст этой книги. Поскольку изначально книга должна была публиковаться в серии «Художник о себе и своем творчестве», то в нынешнем издании сохранена ее структура. Книга состоит из четырех частей: первая - «Шухаев о своем творчестве», включающая автобиографию, рассказ о своем творческом методе, выработанном за долгие годы творчества. Здесь же помещены воспоминания о состоянии современного французского искусства 1920-х годов. Вторая часть – «Письма» - это письма Шухаева и адресованные ему. В письмах к близким людям художник рассуждает о природе своего дарования, предстает постоянно ищущим новых методов и форм, неудовлетворенным собой художником. Третью часть составляют воспоминания Шухаева о своих знаменитых современниках: Горьком, Александре Бенуа, режиссере Всеволоде Мейерхольде, художнике Александре Яковлеве, друге и соратнике. Четвертая часть содержит критические статьи известных искусствоведов о творчестве Шухаева. Помещены пояснения Веры Федоровны, рассказывающие о том, как создавались те или иные, наиболее значительные произведения художника: «Портрет С. Андроникашвили» («Саломея в красных чулках») «Портрет Л. Вожея», «Портрет Я. Шифрина», о деятельности Шухаева в театре-кабаре «Летучая мышь» Н. Балиева и другие.

Сама В.Шухаева обладала литературным даром, о чем свидетельствуют помещенные в этом разделе интересные ее воспоминания о поездке в Марокко с мужем.

Ценные сведения о педагогическом методе Шухаева, об отношениях со студентами, о его человеческих качествах - отзывчивости, доброжелательности, готовности поделиться секретами технического мастерства – содержат и воспоминания учеников художника - Д. Цупа (1908-1995), выпускника Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры в 1935-1936 гг. и научного сотрудника Национального музея Грузии, реставратора, выпускника Тбилисской Академии художеств Георгия Макацариа (1933-2004).

В связи с новым изданием появилась необходимость новой редакции текстов, дополнений, как в комментариях, так и в разделах «Летопись жизни и творчества», «Выставки», «Библиография». Я обратилась за помощью к доктору искусствоведения, сотруднику петербургского государственного Русского музея, эксперту по культурным ценностям Росохранкультуры Елене Пантелеевне Яковлевой, с которой мы готовили юбилейную выставку, посвященную 100-летию со дня рождения В.Шухаева и А.Яковлева. Выставка проходила в Русском музее в сентябре-октябре 1988 года, а с декабря того же года – в залах Государственного музея искусств Грузии при участии частных коллекционеров и музейных экспонатов. И в дальнейшем мы обе обращались к шухаевской теме. Именно заслугой Елены Яковлевой являются подробнейшие примечания, существенные дополнения в разделы «Летопись жизни и творчества», «Библиография», «Список выставок». Без этих данных книга во многом утратила бы то практическое значение, которое она имеет.

После ссылки, в 1947-1973 гг., Василий Шухаев вместе с Верой Федоровной проживал в Тбилиси, где продолжил свою плодотворную деятельность. Знакомство с народным художником Грузии Еленой Ахведиани сыграло значительную роль в судьбе Шухаева.

вых: взяв их под свое покровительство, она тем самым помогла быстрее адаптироваться и войти в новую среду. В графических портретах представителей грузинской художественной интеллигенции, людей избранного круга, духовной элиты нации, Шухаев запечатлел определенную эпоху интеллектуальной и культурной жизни Грузии. В этом историческая ценность и уникальность этого цикла графических портретов.

За последние годы значительно вырос интерес к творчеству Шухаева в среде коллекционеров, владельцев галерей, что проявилось в частом появлении его работ на престижных международных аукционах. Наиболее дорого ценятся произведения финского (1920) и французского периодов (1921-1934), что естественно вызвало ажиотаж в среде любителей легкой наживы, пытающихся подделывать его работы. Здесь хотелось бы отметить, что, к счастью, его работы, в основном, находятся в частных коллекциях. Ни один из известных российских музеев, даже такой, как Русский музей в Петербурге, обладающий коллекцией произведений Шухаева разных периодов, не может представить полную и последовательную картину его творческого пути. В этом отношении шухаевская коллекция Национального музея Грузии уникальна как по количеству, так и по качеству. Представленные в ней живописные и графические произведения дают возможность проследить основную составляющую его творческого пути – движение от формы к цвету. Учитывая нынешний интерес к творчеству Шухаева, коллекция нашего музея вполне могла бы стать предметом международных обменных выставок. Материалы, помещенные в книгу, способствуют большему пониманию творчества художника, и в этом ее практическая ценность для специалистов и широкого круга любителей искусства.

Нонна ЭЛИЗБАРАШВИЛИ

Презентация книги Василия Ивановича Шухаева в Тбилиси, а также в Москве и Санкт-Петербурге, наглядно показывает, как тесно, несмотря на границы, мы связаны друг с другом. Помимо прочего нас связывает Василий Иванович Шухаев, его творчество и его искусство.

Сегодня мы вспоминаем не только художника, но и его жену и спутницу Веру Федоровну. Благодаря ее усилиям сохранился личный архив Шухаевых, а картины и рисунки Василия Ивановича нашли свое место в государственных и частных коллекциях России, Грузии, Украины, Казахстана и других стран. Именно Вера Федоровна, мечтая о книге, заложила прочный «фундамент» в ее основание. Особая заслуга в издании этой книги, безусловно, принадлежит Нонне Анастасьевне Элизбарашвили, чей авторитет и профессионализм известен далеко за пределами Грузии.

Новая книга о жизни и творчестве Василия Шухаева расскажет читателю, о чем думал и помышлял художник, как к нему относились современники, как сложились судьбы его соучеников по Академии художеств и его студентов в Ленинградском институте имени И.Е. Репина, в Тбилисской Академии художеств.

Дорогие друзья, от имени российских искусствоведов, читателей и создателей этой книги поздравляю вас с ее выходом в свет и с презентацией на грузинской земле.

Елена ЯКОВЛЕВА

Работы Василия Шухаева

ПОЧЕМУ, ЗА ЧТО?

Человек смертен. Это – данность, неизбежность. Все это знают и, тем не менее, когда из жизни уходит близкий человек, друг, добрый знакомый или известная личность, мы испытываем шок и нас начинают одолевать вопросы: почему, за что, еще столько должно было и могло быть сделано; несправедливо, когда ушедший был полон сил, желания заниматься любимым делом (будь то наука, искусство или хранение домашнего очага, воспитание детей, внуков). Вопросы риторические, вряд ли на них можно найти ответы. Думаю, подобные мысли будоражили всех, кто знал и любил профессора Университета театра и кино им.Шота Руставели Русудан Паремужашвили.

Русико окончила актерский факультет (мастерская профессора Кукури Патаридзе) Грузинского государственного театрального института и была принята в труппу театра им. Руставели. Еще будучи студенткой снялась в нескольких фильмах. В исторической драме «Майя из Цхнети» у нее был эпизод, но уже в «Морской тропе», лирико-психологической ленте о неувядающей юности и духовной красоте человека, ей доверили роль героини. Работа была по достоинству оценена и зрителями, и критикой, тем не менее, актриса, несмотря на определенный соблазн, не захотела менять сцену на экран. А в театре творческая жизнь не очень складывалась. Интересных ролей не поручали, приходилось довольствоваться второстепенными, проходными. А это не приносило удовлетворения, не способствовало профессиональному росту. Окончательно не пасть духом помогло интересное предложение. Заведующая кафедрой сценической речи института Малико Николаевна Мревлишвили начала приглядываться к Русико еще в институте (ей очень нравилось, как она владела техникой речи) и не упускала ее из виду и после того, как она завершила учебу. Года через два-три, заметив, что ее ученица топчется на месте, сказала ей при встрече: «Ты что, всю жизнь хочешь подносить выносить и говорить: «Кушать подано»? У тебя есть все данные серьезно заняться сценречью. Приходи на кафедру». Взяла Русико ассистентом и таким образом помогла ей найти свое истинное призвание. Способная, трудолюбивая, целеустремленная Русико стала отличным педагогом, настоящим профессионалом, очень любящим свое дело и своих студентов. Строгая и требовательная в работе, она была доброжелательным, справедливым, внимательным человеком, всегда оказывалась рядом с тем, кто нуждался в помощи, поддержке. И неудивительно, что ее воспитанники становились ее друзьями и не прекращали общение с ней и после окончания вуза. При всей своей доброте она не терпела лени и безответственности.

Русико всей душой была предана работе, но для нее семья всегда стояла на первом месте. Она была не только преданной и любящей женой своего супруга – Резо Чхеидзе, – но и его единомышленником, надежным помощником, верным другом. А их дочь Хатуна и две внучки были ее «светом в окошке». «Сумасшедшая мать, сумасшедшая бабушка», – с улыбкой говорили о ней близкие и добавляли: «и прекрасная хозяйка. Как только она все успевает?»

В памяти всех знавших ее Русико останется сердечным, жизнерадостным, открытым, верным человеком. Конечно, и в ее жизни бывали тяжелые времена, случались неприятности, несправедливости, но я никогда не помню ее хмурой, неприветливой. И в нашу последнюю встречу она была привычной: шла навстречу своей легкой походкой светловолосая, улыбающаяся. – Как дела? – спросила приостановившись, – Лучше всех! – ответила я. – Молодец, умница, так держать! – кивнула и поспешила дальше.

... Панихида давно окончилась, а батоны Резо все сидел у гроба. Когда в комнате почти никого не осталось, он осторожно приподнял покрывало и погладил волосы Русико. И этот скупой жест был куда более пронизывающим сердце, чем громкие рыдания и причитания.

Донара КАНДЕЛАКИ

კინძმარაული მარანი

KINDZMARAULI MARANI

KVARELI DISTRICT, VILLAGE GAVAZI, KAKHETI, GEORGIA

Tel./Fax: +995 (32) 36 18 50

Mob.: +995 (99) 54 00 18

E-mail: info@kmwine.ge ; km.wine@hotmail.com

www.kmwine.ge

Armavia

Արմավիա

WWW.ARMAVIA.COM